

ОКРЕСТНОСТИ

ИЗ ИСТОРИИ ИЖОРСКОЙ ЗЕМЛИ

ПЕТЕРБУРГА

ПЕТР
СОРОКИН

Петр Сорокин

**Окрестности Петербурга.
Из истории ижорской земли**

2017

УДК 94(470.23-25)
ББК 63.3 (2-2 Санкт-Петербург)

Сорокин П. Е.

Окрестности Петербурга. Из истории ижорской земли /
П. Е. Сорокин — 2017

ISBN 978-5-227-06020-4

В книге Петра Сорокина история Невского региона рассматривается в широком территориальном и временном контексте – от ледникового периода до современности. Одним из центральных эпизодов в ней является Невская битва 1240 г. в устье реки Ижоры, неразрывно связанная в сознании народа с образом Александра Невского – святого покровителя Санкт-Петербурга. Многие исторические события, происходившие на Неве в эпоху викингов, во времена Крестовых походов на Балтике и Северной войны 1700–1721 гг., оказались малоизвестны или забыты. А эти места помнят Александра Невского, Петра Великого, Александра Меншикова, Екатерину Великую и последнего российского императора Николая II. Забытыми оказались и многие памятники. Все это нашло отражение на страницах предлагаемой читателю книги. Исторические документы, многие из которых ранее не публиковались, дополняются в книге данными, полученными в ходе археологических исследований автора. Издание иллюстрировано фотографиями, гравюрами, рисунками, планами и картами. Оно рассчитано на всех интересующихся историей Невского края и России.

УДК 94(470.23-25)
ББК 63.3 (2-2 Санкт-Петербург)

ISBN 978-5-227-06020-4

© Сорокин П. Е., 2017

Содержание

Вместо предисловия	7
На берегах Невы	10
Рождение Невы и освоение ее берегов	10
Славяне, варяги и финны на «Великом водном пути»	16
Ижора	21
Начало крестоносной экспансии в Восточной Прибалтике	27
Битва на реке Воронеге	30
Крестоносцы в землях Великого Новгорода и финских племен	34
Битва на Неве	38
Невская битва в летописях	38
Лагерь или крепость?	43
Путь к устью Ижоры	45
«И была сеча великая»	49
Великая битва или рядовое столкновение?	54
Поле Невской битвы	60
В поисках следов сражения	71
Александр Невский – святой, благоверный князь и национальный герой	78
Правитель эпохи перемен	78
Создание образа – тернистый путь канонизации	81
Святой Александр – заступник Русской земли	83
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Петр Сорокин

Окрестности Петербурга.

Из истории ижорской земли

Софье и Дмитрию Сорокиным посвящается эта книга

Вместо предисловия

Выйдя из храма, святой Александр укрепил дружину исполненными веры словами: «Не в силе Бог, а в правде.

Иные – с оружием, иные – на конях, а мы Имя Господа Бога нашего призовем! Они поколебались и пали, мы же восстали и тверды были».

Житие Александра Невского

Рисованную карту со страниц учебника истории с ладьями, стоящими у поросшего лесом берега Невы, и стрелками, изображающими наступление новгородцев на шведский лагерь, помнят многие. Четверть века назад, проплывая на теплоходе по Неве, можно было наблюдать на берегу, при впадении в нее Ижоры, руины храма из красного кирпича среди сельского кладбища с покосившимися крестами да теряющиеся в зелени деревянные домики, выстроившиеся на пригорке вдоль реки. С трудом верилось, что именно здесь, в неприметном местечке на окраине Ленинграда, и происходила «та самая битва», стоящая в одном ряду с важнейшими сражениями русской истории.

Поселок Усть-Ижора занимает особое положение среди пригородов Петербурга. Он не отмечен роскошными дворцово-парковыми ансамблями, как Пушкин, Павловск и Петергоф, или памятниками морской славы, как Кронштадт. Но устье реки Ижоры – первое место на территории современного города, названное в исторических документах. Благодаря Невской

битве 1240 года Русь сохранила выход в Балтику, а молодой князь Александр Ярославич обрел славу и получил прозвище Невский. На всем протяжении русской истории в образе святого и национального героя он выступает как символ защиты Отечества, его силы и единства. Перенесение мощей святого, задуманное Петром Великим как символическое возвращение его на место славной победы, и святое покровительство Санкт-Петербургу неразрывно связывают его с Невским краем.

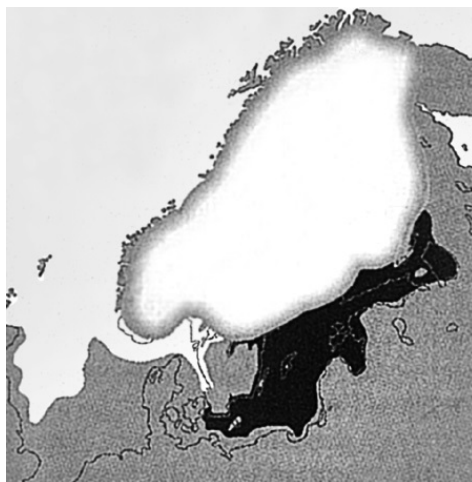
История избирательна в своих пристрастиях. Одни события оказываются в фокусе ее объектива, другие, иногда не менее значимые, лишь мелькают на дальнем плане, не оставляя после себя заметного следа. Многие со школьных лет знают о Невской битве, но другие, не менее важные сюжеты истории Приневья, связанные с борьбой Руси за эти земли, оказались забытыми или известными немногим. История невских берегов с древнейших времен наполнена драматическими событиями. Выход с территории Русского государства в Балтику – то самое «окно в Европу» – всегда был яблоком раздора между ним и его воинственными соседями – варягами, а позднее Тевтонским орденом и Шведским королевством. Поэтому на протяжении столетий здесь велись войны, оставившие свои следы в виде полей битв, крепостей и окопов, братских могил и мемориалов. Как всегда, каждая война считалась последней, и вскоре все повторялось в тех же местах, порой с поразительно схожими сюжетами. Но жизнь продолжалась, и после военных лихолетий по Неве вновь ходили корабли, а на ее ранее освоенных берегах снова селились люди, возделывали землю, ловили рыбу, занимались ремеслами и вели торговлю.

Невская битва наложила свой отпечаток на дальнейшую судьбу этой территории, но поле сражения – не единственная ее достопримечательность. Здесь перекрестились пути Александра Невского и Петра Великого. На этой земле располагалась одна из загородных усадеб полудержавного властелина Александра Меншикова. Знаками своего внимания отметила историческое село Екатерина II. Бывал в Усть-Ижоре и последний российский император Николай II, посещавший военный лагерь в ее окрестностях. В годы освобождения Ингерманландии при Петре Великом и во время Великой Отечественной войны Нева вновь становилась оборонительным рубежом, где шли ожесточенные бои, решавшие судьбы России. Рассказ об истории древней Ижорской земли, ставшей по воле судьбы одним из центров развития русской цивилизации, и был целью написания книги, предлагаемой читателю.

На берегах Невы

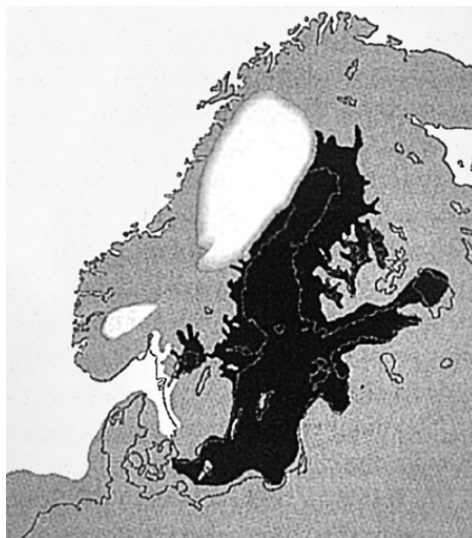
Рождение Невы и освоение ее берегов

Формирование ландшафтов Невского края, как и всего Северо-Запада, уходит корнями в Ледниковую и предшествующие эпохи. Природная среда региона во многом определяла исторические процессы, протекавшие позднее. Последнее Валдайское оледенение продолжалось от 80 до 20 тыс. лет назад. Следует отметить, что территория современного Петербурга освободилась ото льда только около 12 400 лет назад [Доманский, Столяр 1962, с. 15–16]. В это время¹ у южной окраины ледника – на месте современных Балтики и Ладоги – образовалось гигантское ледниковое озеро, перекрывавшее значительную часть территории Приневья. Впоследствии возникший здесь водоем на протяжении нескольких тысячелетий менялся в связи с переменаами климата и изменениями уровня воды в нем (рис. 1). В результате геологических изменений в районе Южной Скандинавии, ледниковое озеро соединилось с Атлантикой и около 11 000 лет назад превратилось в море, получившее название Иольдиево. Уровень воды в нем был ниже современного уровня Балтийского моря. Однако уже около 9500 лет назад этот водоем отделяется от океана и вновь становится озером, названным Анциловым. В связи с повышением уровня воды в нем происходит затопление прибрежных территорий. Ладога, сформировавшаяся к тому времени как обособленный бассейн, соединилась с этим озером проливом в северной части Карельского перешейка (примерно по руслу Вуоксы). Появление проливов, связавших Анцилово озеро с Северным морем, привело к образованию нового моря, существовавшего на месте Балтики 7500–4000 лет назад. Новое море, названное Литориновым, имело несколько большие размеры, чем нынешнее Балтийское, и затопило прибрежные территории, проникнув вглубь суши по современной Приневской низменности в виде узкого залива. Его воды скрывали всю территорию островов современной Невской дельты. Реки Невы в ее нынешнем виде тогда еще не было. По ее руслу в Литориновое море впадала река, названная условно Пра-Тосно, а в Ладогу – Пра-Мга. Они разделялись между собой водоразделом в районе современных Ивановских порогов.

А

¹ 14-15 тыс. лет назад.

Б

В

Рис. 1.

Водные бассейны Северо-Запада в послеледниковый период:

А – Ледниковое озеро,

Б – Иольдиево море,

В – Литориновое море

Со временем, в результате геологических процессов поднятия северной части Карельского перешейка, пролив, связывавший Ладогу с морем, исчез, и Ладога превращается в замкнутый водоем. В результате отсутствия стока озерная котловина переполнилась и ладожские воды затопили всю нижнюю часть долины реки Пра-Мги (современное русло верхнего течения Невы) до узкого водораздела, отделявшего ее от низовьев реки Пра-Тосно (современного русла нижнего течения Невы). Наконец, поднявшись более чем на 16 метров над уровнем моря, воды Ладоги хлынули через этот перешеек, и таким образом образовалась река Нева. О водоразделе, существовавшем между устьями ее притоков, Мги и Тосно, по-прежнему напоминают торчащие из воды камни Ивановских порогов. По мнению палеогеографов, этот прорыв произошел около 2800–3100 лет назад [Малаховский и соавт. 1993, с. 61–73; Saarnisto, Gronlund 1996, p. 205–215]. Исследователи еще не пришли к единому мнению, в какой форме это происходило: как катастрофическое наводнение, сметавшее все

на своем пути, или как медленный процесс, растянувшийся на длительное время. Неясно также, в какой степени прорыв воды из Ладоги в Балтику изменил унаследованные новой рекой древние долины существовавших здесь рек. Известная нам Нева появилась в исторические времена и является одной из наиболее молодых рек в мире.

Древние люди начали осваивать территорию современной Восточной Прибалтики и Карелии вскоре после отступления ледника – в эпоху финального палеолита и мезолита (около 13 400-7000 лет назад), но в Приневье они пока не известны [Долуханов 1992, с. 19]. Немногочисленные стоянки людей эпохи неолита (V–II тыс. до н. э.) в бассейне Невы найдены на древнем морском побережье – в районе Сестрорецкого разлива и у устья реки Охты. Ближайшие к ним неолитические памятники известны на Токсовском озере, в Юго-Западном Приладожье на реке Лаве, а также в центральной части Карельского перешейка. Стоянки в устьях рек на побережье Литоринового моря обусловлены промысловой деятельностью (рис. 2, 3). Эти места были удобны для запорного рыболовства с помощью специальных заграждений-ловушек, связанных в секции из колов и сосновых планок-лучин. Использование таких рыболовных сооружений началось в Восточной Европе еще в эпоху мезолита. А дожила подобная система лова до современности. Выше по течению Невы и на ее притоках достоверные следы пребывания древних людей пока не обнаружены.

Рис. 2. Остатки рыболовных сооружений на Охтинском мысу. Фото автора

Но сведения о таких находках имеются. Отдыхавший на своей даче в с. Ивановском (у Невских порогов) профессор Санкт-Петербургского университета А.А. Иностранцев, разгребая землю в береговом обрыве, обнаружил обломок костяного наконечника гарпуна и человеческий череп, которые, по его мнению, принадлежали древним людям [Береговой портрет 2008, с. 154]. После этого ученый заинтересовался проблемой освоения Северо-Запада, и в 1882 г. вышла его книга «Доисторический человек каменного века побережья

Ладожского озера» с описанием неолитических находок, найденных при рытье Новоладожского канала. На основе сделанных им выводов в геологической науке сложилось мнение, что уже в исторические времена уровень воды в Ладоге и Неве был значительно выше, чем теперь, а следовательно, и размеры водоемов превышали современные. По мнению А.А. Иностранцева, Нева представляла собой пролив, соединявший Ладогу с Финским заливом, шириной 8-20 верст [Иностранцев 1882, с. 239]. Предположение профессора хорошо согласовывалось с первым упоминанием Невы в летописи, где она была названа устьем из озера в море. В летописи говорится: «изъ того же озера потечеть Волховъ и втечетъ въ озеро великое Невѣ, того озера внидетъ устье въ море Варяжское» [ПСРЛ 1846, т. 1, с. 3]. Гипотезу поддерживали некоторые историки, предположившие, что еще во второй половине I – начале II тысячелетия Ладожское озеро, у побережья которого располагалось ладожское поселение, было больше современного по площади и связывалось проливом с Финским заливом [Немиров 1888: 31, Вилинбахов 1963, с. 130, Стеценко 1989, с. 11–12].

Рис. 3. Неолитические находки. Фото автора

Однако археологические исследования последних лет на невом побережье показали, что уже на рубеже новой эры Нева протекала в своих современных берегах. На Охтинском мысу найдены места стоянок эпох неолита – раннего металла V–II тыс. до н. э., а также каменный сверленный топор и керамические материалы эпохи бронзы, относящиеся ко II тыс. до н. э. Прорыв Невы привел к затоплению этой территории, вследствие чего названные находки оказались перекрыты слоем наносного песка мощностью до 1 м. К следующему этапу – раннему железному веку (I тыс. до н. э. – середина I тыс. н. э.) – принадлежат обнаруженные здесь остатки поселений: очаги, хозяйственные ямы и фрагменты керамической посуды (рис. 4). К тому же периоду относится и начало формирования почвенного покрова на невых берегах [Сорокин и соавт. 2011]. Поселения раннего железного века на Северо-

Западе еще более редки, чем неолитические. Ближайшие к Приневью найдены в Поволховье и на территории Эстонии, Карелии и Финляндии.

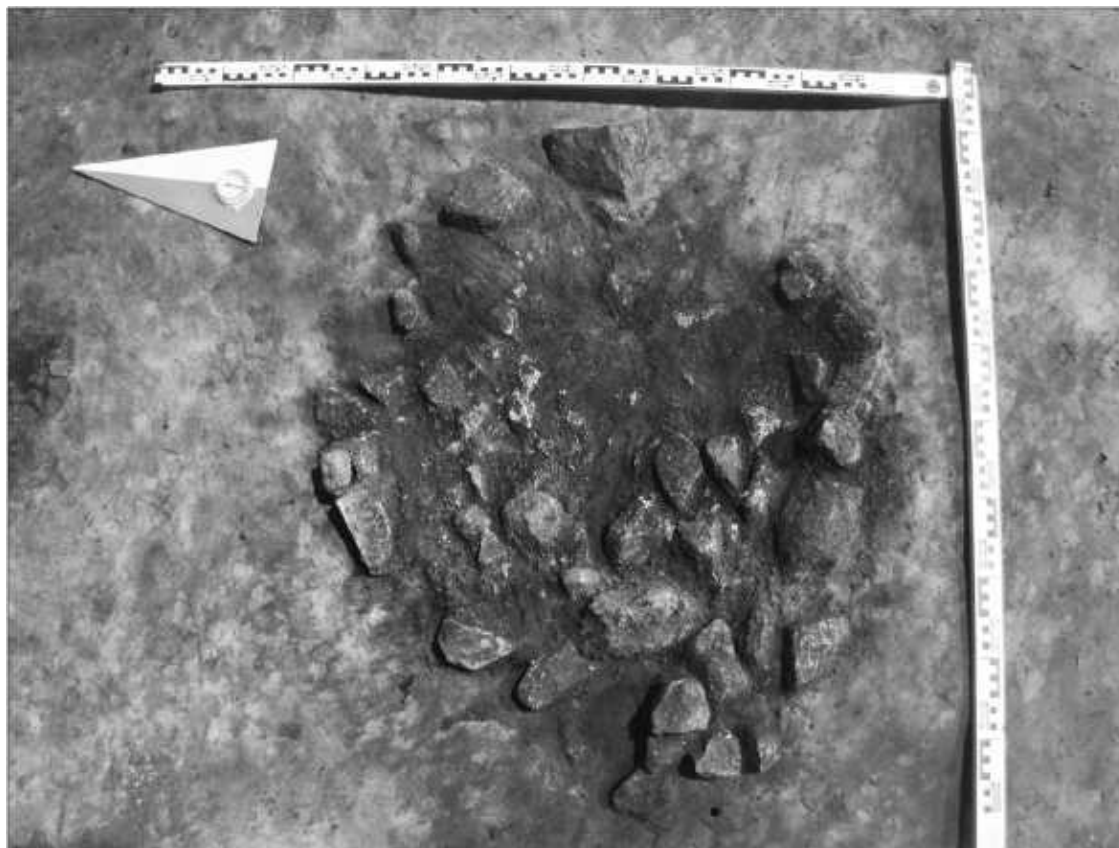

Рис. 4. Находки раннего железного века. Очаг

Финно-угорская языковая общность, сформировавшаяся в области Волго-Камья и Северного Приуралья, еще в глубокой древности распалась на несколько групп. Одна из них, вероятно, уже в эпоху неолита заняла Юго-Восточную Прибалтику, другие переселились на северное побережье Финского залива на территории современных Финляндии и Карелии. Распространенные здесь археологические культуры Восточной Прибалтики V–III тыс. до н. э. с ямочно-гребенчатой и текстильной керамикой связываются с приходом сюда различных групп финского населения [Седов 1990, с. 11–15, Гурина 1992, с. 11].

Культура эстонских каменных могильников римского времени (первой половины I тысячелетия), ареал которой распространяется на территорию Северной Эстонии, на востоке доходит до Копорья. Отдельные находки вещей этого периода найдены и восточнее, вплоть до Волхова и Приильменя, но в Приневье они пока неизвестны. Впервые жителей Восточной Прибалтики, «феннов», описал римский историк Корнелий Тацит в 98 г.: «...у феннов – поразительная дикость, жалкое убожество; у них нет ни оборонительного оружия, ни лошадей, ни постоянного крова над головой; их пища – трава, одежда – шкуры, ложе – земля; все свои упования они возлагают на стрелы, на которые, из-за недостатка в железе, насаживают костяной наконечник. Та же охота доставляет пропитание как мужчинам, так и женщинам; ведь они повсюду сопровождают своих мужей и притязают на свою долю добычи. И у малых детей нет другого убежища от дикого зверя и непогоды, кроме кое-как сплетенного из ветвей и доставляющего им укрытие шалаша; сюда же возвращаются фенны зрелого возраста, здесь же пристанище престарелых. Но они считают это более счастливым уделом, чем изнурять себя работою в поле и трудиться над постройкой домов и неустанно

думать, переходя от надежды к отчаянью, о своем и чужом имуществе: беспечные по отношению к людям, беспечные по отношению к божествам, они достигли самого трудного – не испытывать нужды даже в желаниях» [Тацит 1969, с. 46].

Славяне, варяги и финны на «Великом водном пути»

Славянское расселение на территории лесной зоны Восточной Европы в бассейны Ловати и Волхова проходило в двух направлениях: на север по Днепру и из Южной Прибалтики на восток. Волны его в IX-X вв. докатились до Приильменя, Верхнего Поволжья и Южного Приладожья. На севере славянское расселение сопровождалось колонизацией земель живших здесь финских племен, славяне называли их чудью. В силу географических условий вплоть до средневековья эти территории были мало заселены. Но совершенно очевидно, что славянское освоение носило островной характер, и пришельцев интересовали наиболее пригодные для жизни земли, соответствовавшие их системе хозяйства, основу которого составляло земледелие. Поэтому значительные по площади массивы Северо-Запада, такие как бассейн реки Невы, побережья Балтики и Ладоги вплоть, до XIV–XV вв. славяно-русская колонизация почти не затронула. Славяне, поселившиеся в Поволжье, сталкивались здесь не только с финнами, но и со скандинавами, проникавшими сюда по рекам на судах из Балтики.

Согласно летописным сведениям, уже во второй половине IX столетия на Северо-Западе формируется политическое образование – союз племен, в который входили славяне и финны [Фроянов 1991, с. 3]. Создание древнерусского государства во второй половине IX – начале X вв. происходило на огромных просторах Восточной Европы путем поступательного объединения проживавших здесь славянских и финских племен.

Важнейшим фактором, способствовавшим соединению отдельных частей в государство и поддержанию этого единства, служили речные системы, пронизывавшие огромные, покрытые лесами просторы Восточно-Европейской равнины. Еще в конце VIII – начале IX вв. сложились магистральные водные пути «из варяг в арабы» и «из варяг в греки», протянувшиеся из Северной Европы до Средиземноморья и Арабского востока. Их общим участком стала Нева. Широкая, полноводная река имела очень важное значение в системе международных водных коммуникаций. Появление на ней транзитного центра предопределялось географическим положением этого места. Однако из-за постоянной военной опасности с моря, побережья Финского залива и Невы в тот период еще не были постоянно заселены.

Рис. 5. Ладога, Олегова могила. Фото автора

Ближайшим к Балтике торгово-ремесленным центром на землях финских и славянских племен в середине VI–IX вв. становится Ладожское поселение (рис. 5). Позднее, в конце IX в., в истоках Волхова возникает Рюриково городище, а в X в. – Новгород. В зоне славянского расселения в Южном Причудье такими центрами, связанными с Балтийским регионом, становятся Изборск и Псков. Обращает на себя внимание значительная удаленность всех этих поселений от морского побережья и присутствие уже на начальной стадии скандинавского населения. Удобное положение Ладоги, расположенной в зоне межплеменных контактов на восточной окраине Балтийского бассейна, с одной стороны, и на северо-западном рубеже славянских и финских племен, населявших земли Восточной Европы, – с другой, превратило ее в один из основных центров мореплавания и торговли в эпоху викингов наряду с Биркой, Хедебю, Трусо и Каупангом. О значении Ладоги в Скандинавском мире свидетельствуют многочисленные упоминания ее под названием Альдейгьюборг в древнесеверной литературе в связи с событиями IX–X вв., по количеству превосходящие упоминания всех остальных городов Руси [Глазырина, Джаксон 1987, с. 11–13]. Присутствие скандинавского населения в ладожском поселении подтверждается археологическими находками, начиная с древнейших слоев (середины VIII в.) – более чем за столетие до даты их первого упоминания в летописи.

Сообщение в «Повести временных лет» под 859 г.: «варяги из заморья взимали дань с чуди, и со славен, и с мери, и с веси, и с кривичей» – фиксирует уже сложившуюся ранее систему взаимоотношений в регионе. Оно является своеобразным предисловием к последующим событиям и свидетельствует о давности установившихся здесь даннических отношений. В 862 г. местное население подняло восстание: «Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть... и сказали себе: поищем себе князя, который бы владел нами и судил по закону. И пошли за море к варягам, к руси... Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Придите княжить

и владеть нами... И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собою всю русь, и пришли. И сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой Синеус, – на Белоозере, а третий Трувор, – в Изборске» [ПВЛ 1991, с. 23].

Рис. 6. Н.К. Рерих. Заморские гости. Русский музей

Преемник Рюрика Олег с малолетним Игорем совершает в 882 г. поход на Киев. Обосновавшись в Среднем Поднепровье, он объединяет восточнославянские племена и закладывает начало образованию Древнерусского государства. Объединенные стремлением к обладанию богатствами южных цивилизаций, варяжско-славянские дружины совершают набеги на Византию и страны Арабского мира. Периоды военных действий сменяются торговыми отношениями (рис. 6).

В древнесеверной литературе и русских летописях имеются сведения о службе у первых князей Руси представителей скандинавской знати. Они возглавляли военные отряды, сформированные в основном из наемных варягов. Будущий король Норвегии Олав Трюгвассон, находясь на службе у князя Владимира, совершал набеги на берега Балтики, «его флот усиливался за счет норвегов и данов, гаутонов и склавов». Завоевав для «конунга Вальдемара» много стран и городов, он «повернул он домой в Гарды». В «Круге земном» говорится о службе у князя Владимира около 970–980 гг. варяга Сигурда, занимавшегося, в том числе, сбором дани в Эйстланде [Джаксон 2000, с. 38, 40, 27].

Активное участие русских князей и состоявших на службе у них скандинавов в политических процессах Северной Европы подтверждается свидетельствами о присутствии на Руси во времена Владимира – Ярослава представителей норвежской знати [Свердлов 1974, с. 62]. Четыре будущих норвежских короля побывали в конце X – начале XI вв. в Ладоге, представлявшейся им, вероятно, тогда частью Скандинавского мира. В исландских сагах упоминаются два похода на Русь, связанные с борьбой за власть в Норвегии. Около 997 г. норвежский ярл Эрик Хаконарссон разрушил Ладогу, а в 1115 г. его брат Свейн пытался организовать новое вторжение на Русь [Глазырина, Джаксон 1987, с. 53]. По мнению Е.А.

Рыдзевской, походы были организованы с участием конунга Олава Шведского [Рыдзевская 1945, с. 66]. Сведения о прямом военном противостоянии Швеции и Руси в X – начале XII вв. отсутствуют. Причинами подобного положения, возможно, являлись существование буферного Ладожского ярлства, выплата варяжской дани, брак Ярослава Мудрого со шведской принцессой Ингигерд, а также другие родственные отношения русских князей со скандинавскими правителями.

Брак между Ярославом Мудрым и Ингигерд, дочерью могущественного шведского правителя, был заключен около 1020 г. Ярослав передал невесте в качестве свадебного подарка Альдейгъюборг (Ладогу) и все ярлство, к нему принадлежавшее. Вероятно, в его составе были и земли по течению Невы, связывавшие Ладогу с Балтикой. Правителем ярлства и княжеским наместником стал родственник Ингигерд, ярл Рёгнвальд, после смерти которого управление Ладожскими землями перешло к его сыну Эйливу [Рыдзевская 1945, с. 60–61].

Второй сын Рёгнвальда, Стейнкель, становится около 1056 г. родоначальником новой шведской королевской династии [Мачинский 2003; с. 33]. Возможно; это обстоятельство и заложило противоречия в русско-шведские отношения; касающиеся владения прибалтийскими территориями [Лебедев 1985; с. 215].

Земли Восточной Прибалтики; судя по всему на протяжении многих веков находились в сфере влияния шведских викингов. Однако участие в создании русского государства и привлечение на службу в него варягов из других скандинавских стран ослабило это влияние. Происходившие перемены нашли отражение в «Саге об Олаве Святом». Один из представителей старой шведской знати; лагман Торгнюр; на тинге в Уппсале около 1018 г. вспоминал прежних конунгов: «Эйрика конунга Упсаль; сына Эмунда, и так говорил о нем; что пока он мог; он каждое лето предпринимал поход из своей страны и ходил в различные страны; и покорил Финнланд и Кирьялаланд; Эйстланд и Курланд и многие другие восточные земли. И можно видеть те земляные укрепления и другие постройки; которые он возвел... А конунг тот; который сейчас... теряет земли обремененные данью; из-за отсутствия энергии и мужества»²[Стурлусон 1995; с. 219–220].

В этой связи передача Ярославом Мудрым своей жене Ладожского ярлства представляется в несколько ином свете. Вероятно; именно при первых русских князьях; с участием варягов; состоявших на их службе; складывается система даннической зависимости соседних прибалтийско-финских племен от Русского государства. Судя по всему она вырастает из ранее сложившейся практики сбора варяжской дани, унаследованной русскими князьями. Немаловажную роль в формировании этой системы играли и родственные связи первых Рюриковичей со скандинавской знатью. Иначе сложно объяснить, каким образом сфера влияния древнерусского государства уже в первые века его существования распространяется на западе на территории Эстонии и Финляндии вплоть до Рижского и Ботнического заливов и до Норвегии на севере.

В недатированной части «Повести временных лет», записанной около 1113 г., касающейся древних времен, в числе прибалтийских племен, плативших дань Руси, названы: «Чюдь..., Ямь, Литва, Зимигола, Корсь, Норова, Либь» [ПСРЛ 2001, т. 1, с. 11]. Первый из этих этнонимов – чюдь – в летописях первоначально распространялся на прибалтийско-финские народы в целом и, вероятно, обозначал эстов, водь, ижору и корелу, находившихся вблизи границ славянского расселения. Возможно, ко времени знакомства славян с этими этносами они еще не имели четкой племенной организации и первоначально рассматривались пришельцами как единый народ. Так можно объяснить более позднее появление их

² В саге речь идет о Финляндии; Карелии; Эстонии и Курляндии. Упомянутый конунг – Олав Шведский (955-1022); отец принцессы Ингигерд – жены Ярослава Мудрого.

названий в русских летописях, в XII–XIII вв., и закрепление этнонима «чудь» за эстами и небольшими группами финского населения в удаленных регионах.

Ижора

Среди географических наименований окрестностей Петербурга выделяются названия, связанные с ижорой – финским племенем, населявшим эти земли в древности. К ним можно отнести и реку, впадающую в Неву в ее среднем течении, и поселения, разбросанные до южных берегов Финского залива, и большое Ижорское плато на юго-западе от Петербурга. Однако здесь уже не встретить представителей древнего народа. В настоящее время немногочисленные ижеряне, говорящие на родном языке, сохранились только в отдаленных местах на побережье Финского залива в западной части Ленинградской области.

Финское название этого народа – *Inkeri*; *Ingeri*. Русское наименование «ижора» и западноевропейское «ингры» – производные от него. Существует несколько версий появления упомянутого этнонима. Согласно одной из них, он происходит от названия одноименной реки Ижора. Вот что писал историк Петербурга А.И. Богданов: «Имя же сие место восприяло зватися Ижерская Земля издревле по имени Реки Ижеры именуемой; которая устьем своим впадает в Неву Реку расстоянием от сего Санкт-Петербурга в дватцати в двух верстах. И другая причина подала месту сему именоватися Ижерская Земля; для одержанной преславной баталии над шведами; при оной Реке Ижере учиненной». В середине XVIII в. даже у образованных людей еще не было ясности об этнической принадлежности этого народа: «Древние жители сего места; то есть Ижерския Области; называлися ижоряне; народ славенской и Веры Православной Греческаго Исповедания; жительство свое главное имел; как по всему видно; при Реке Ижоре и Славянке (потому что всегда; на из древнейших лет; на сем месте жители были древняго великаго славенскаго народа; от чего и река оная имя себе восприяла зватися Славянка); что по тогдашнему времени яко провинциальной народ онаго древняго великаго славенскаго Нова Града причитаемый был, от котораго народа; чрез толикое множество лет будучи; хотя останки некоторые; однако и поныне довольно есть» [Богданов 1997; с. 106].

Но есть и другие версии появления названия. По мнению А.С. Попова; оно происходит от имени князя Игоря (в скандинавской транскрипции – Ингвар); сына легендарного Рюрика; ставшего третьим древнерусским князем [Попов 1973; с. 90]. Согласно Иоакимовской летописи; его рождение было причиной передачи Ижоры вместе с Ладогой жене Рюрика Евфанде. По другой версии, появившейся еще в первой половине XIX в., название происходит от имени шведской принцессы Ингигерд, жены Ярослава Мудрого. По мнению А. Шегрена, развившего теорию В.Н. Татищева, в наименовании «земли ижор» – иначе ингров (*ingerinmaa*) – заключалось понятие «земли Ингрин», которая, вероятно, получила во владение территории по течению реки Невы вместе с Ладогой в качестве свадебного подарка [Sjogren 1833, с. 3–4]. Примечательно, что в это время (IX–XI вв.) ижора еще не упоминается в письменных документах. Неизвестны и археологические находки того времени на территории средневекового расселения ижоры – в Приневье.

В XVII в., когда территория проживания ижоры вошла в состав Шведского королевства, в одну провинцию объединили Ижорскую и Водскую земли. К существующему названию *Ingerinmaa*, Ижорская земля, было присоединено еще одно слово – земля, на этот раз шведское – *land*. Таким образом, она стала называться Ингерманландией. Вот как описывает территорию, на которой Петр Великий основал Санкт-Петербург, А.И. Богданов: «Понеже место сие, на котором построен Град сей, есть оная провинция Ингрия или Ингермоландия, так проименованная, которая по нашим российским старым летописцам именуемая была Ижерская земля, которая издревле Всероссийской Империи всегда принадлежащая. Положением своим лежит между Синусом (заливом. – П. С.) Финским и Озером Ладожским,

сообщается оная Невою Рекою, что начало свое восприимлет в длину от Ладожского Озера и продолжается до Великаго Княжества Эстляндскаго» [Богданов 1997, с. 105].

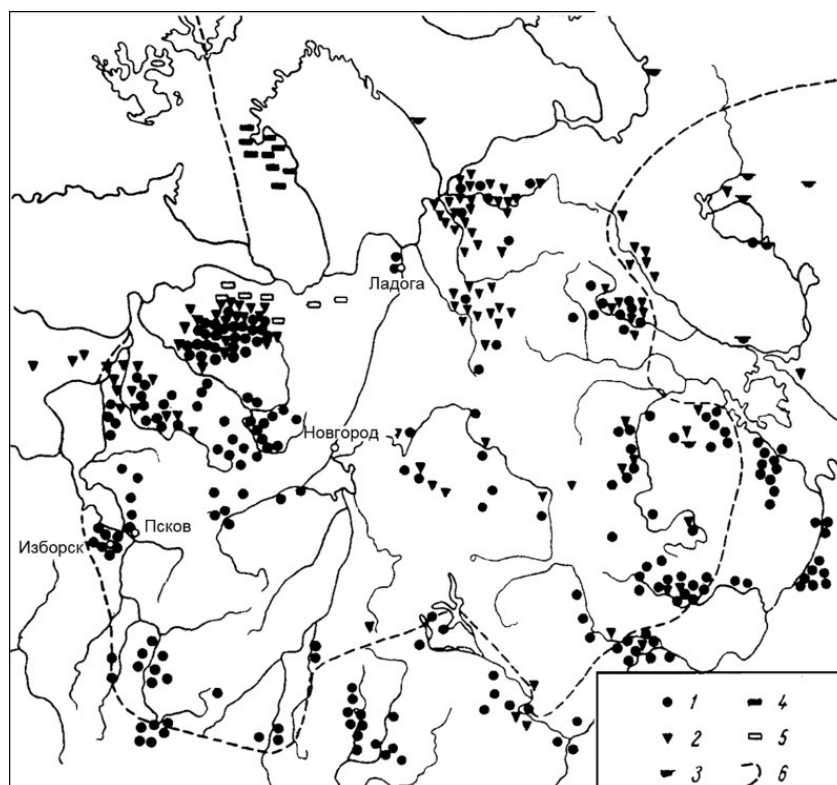

Рис. 7. Карта археологических древностей средневекового Северо-Запада по В.В. Седову: 1 – курганные могильники словен новгородских и кривичей; 2 – курганные могильники води и веси; 3 – грунтовые могильники веси; 4 – могильники корелы; 5 – могильники ижоры; 6 – приблизительная граница Новгородской земли

По сравнению с другими прибалтийско-финскими народами, ижора достаточно поздно появляется на исторической сцене. Регион расселения этого племени – Приневье, известный из письменных источников; – на археологической карте Северо-Запада длительное время оставался белым пятном (рис. 7). Большинство исследователей связывают происхождение ижоры с корелой. Тесное родство двух народов; помимо языковой близости и общности в культуре; подтверждается еще и тем, что до последнего времени некоторые представители ижоры продолжали называть себя корелами, памятуя о своих генетических корнях [Шаскольский 1979]. Корелами их называли первоначально и соседние народы – води, эстонцы и финны, хотя впоследствии у них появились особое название «ижоры» (эст. *isurid*, фин. *inkeroiset*) [Федоров 1983, с. 97]. По мнению большинства исследователей, основанному в первую очередь на лингвистических данных и документальных свидетельствах, ижора выделяется из состава корелы, или протокарельской общности, и появляется в Приневье на рубеже I и II тысячелетий. По одной из версий, она переселилась сюда с севера – с Карельского перешейка, по другой – с востока, из юго-восточного Приладожья. Развернутая гипотеза происхождения ижоры была предложена Д.В. Бубрихом, считавшим, что на рубеже I–II тысячелетий племя корела, сформировавшееся в северо-западном Приладожье, стало активно расселяться в северо-западном и южном направлениях – к северному побережью Ботнии и Белому морю, а также в бассейны рек Невы и Ижоры. Из-за отсутствия экономических связей с основным ядром корелы южная группа постепенно обособилась, и на основе

ее диалекта развился ижорский язык. Ученый относил появление ижоры к середине XII в. [Бубрих 1947, с. 32].

Несмотря на письменные свидетельства об ижоре, исследователи давно обратили внимание на отсутствие в бассейне реки Невы средневековых памятников, что в целом подтверждало легенды о пустынности этого края до петровского времени. В отличие от других прибалтийско-финских народов, до недавнего времени археологические памятники ижоры не были известны. В Приневье (в Инкере-Войскорове, Мишкине и в Колтушах) в начале XX столетия были обнаружены только отдельные вещи XII – начала XIII вв. (рис. 8)

Наиболее близки к описываемому региону были «карельские вещи», как их называли по аналогии с находками из могильников на Карельском перешейке, которые обнаружили в 1908 г. в деревне Инкере-Войскорово у церкви на западном берегу реки Ижоры. Здесь найдены два черепа, относившиеся предположительно к мужскому и женскому захоронениям. Отмечалось, что курганной насыпи на этом месте не прослеживалось [Tallgren 1938, p. 102–103, Рябинин 1997, с. 68–69]. Среди найденных украшений были несколько фибул: овально-выпуклая со звериным орнаментом; две фрагментированные круглые выпуклые с изображениями листьев, розеток и пальметок; две орнаментированные подковообразные, изготовленные из серебра, относящиеся к прибалтийско-финскому кругу древностей.

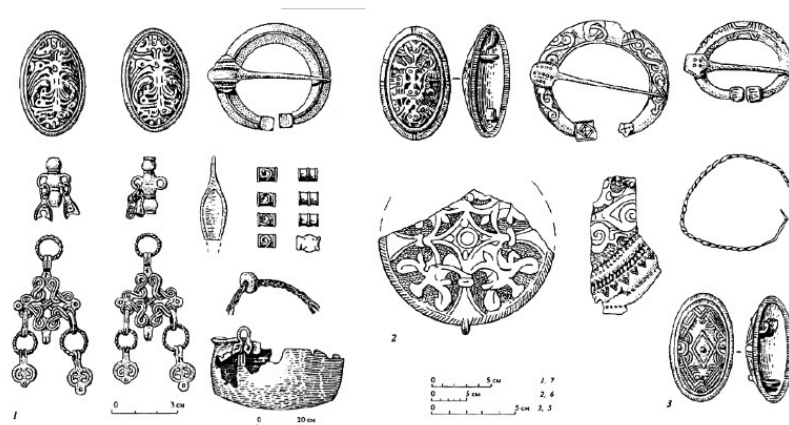

Рис. 8. Ижорские древности, найденные в Войскорове и Мишкине. По Е.А. Рябину

Другая часть обнаруженных здесь украшений – фрагментированное ромбошитковое височное кольцо, обломок широкопластинчатого браслета с растительным орнаментом и витая шейная гривна – связана, вероятно, с древнерусской культурой. Среди находок были также бусина и обломок широкопластинчатого браслета. К мужскому погребению относятся копье и топор [Рябинин 1997, с. 69]. Других средневековых древностей в бассейне реки Ижоры пока не известно. Случайные находки ижорских вещей из Приневья включали украшения, типичные для прибалтийских финнов, предметы быта и вооружения, происходившие, вероятно, из разрушенных погребений ижоры. Но самих погребальных памятников, так же как и поселений, долгое время обнаружить не удавалось.

Эта ситуация резко контрастировала с изучением соседних прибалтийско-финских племен – корелы, води, эстов и веси, могильники которых к этому времени были хорошо изучены на территориях Карельского перешейка, Ижорского плато, Эстонии и юго-восточного Приладожья. Высказывались разные мнения по поводу «археологической неуловимости ижоры». Известный историк русского Северо-Запада И.П. Шаскольский в 1979 г. писал по этому поводу: «... археология Ижорской земли в I тысячелетии н. э., археология территории Ленинграда и его ближайших окрестностей в I тысячелетии н. э. и в I тысячелетии до

и. э. – белое пятно на археологической карте», и отсутствие здесь находок особенно парадоксально в условиях постоянных земляных работ по строительству города и окрестностей, которые ведутся здесь более 270 лет [Шаскольский 1979, с. 44–46]. Другой известный исследователь, археолог Е.А. Рябинин, занимавшийся изучением ижорских древностей, напротив, объяснял их редкость тем, что следы пребывания ижоры были уничтожены при строительстве Петербурга в XVIII–XIX вв. [Рябинин 1997, с. 71–72].

Вне всякого сомнения, основание Санкт-Петербурга и развитие его агломерации, охватившей значительные территории в нижнем Приневье, привело к существенному стиранию следов древней ижорской культуры. Другой причиной стало то, что археологическое изучение бассейна Невы по целому ряду причин носило крайне ограниченный характер. В условиях отсутствия на этих землях видимых археологических памятников – курганов и городищ, известных в сопредельных регионах, здесь не проводилось систематических исследований. Возможно, свою роль сыграли и устоявшиеся в общественном сознании с петровских времен стереотипы представлений о том, что Петербург построен в необитаемой болотистой и мало пригодной для проживания местности.

Как показали исследования последнего десятилетия, сложность выявления памятников ижоры объясняется особенностями системы расселения и погребальной обрядности этого народа. На территории бассейна Невы, в самом Санкт-Петербурге и его окрестностях с 2001 г. обнаружено и исследовано несколько новых средневековых археологических памятников XII–XVII вв. Наибольшая концентрация их прослежена в междуречье рек Мги и Тосны в их среднем течении, на поросших лесом камовых возвышенностях (рис. 9, см. с. I вклейки) [Сорокин 2006; Сорокин 2008; Сорокин, Певнева 2014]. В последние годы могильники средневекового времени XIII–XVII вв. были найдены и в среднем течении реки Славянки, в деревнях Покровская и Порицы, относящихся к периоду христианизации ижорского населения Приневья.

Культура ижоры в целом сходна с культурами соседних прибалтийско-финских народов, однако имеет свои особенности. Основная часть древностей, обнаруженных в Приневье и происходящих преимущественно из захоронений, относится к XII–XIII вв., то есть ко времени первых упоминаний ижоры в исторических документах. Лишь отдельные находки могут быть отнесены к более раннему времени – XI–XII вв. Захоронения ижоры находились вблизи рек, ручьев или озер, на склонах и на краю всхолмлений. Это были захоронения на горизонте (поверхности земли) в каменных оградках, связанных между собой, перекрытых невысокими насыпями. Захоронения, судя по сохранившимся деталям одежды и украшениям, сопровождалась богатым погребальным инвентарем, в составе которого были вооружение, орудия труда, бытовые вещи. В большинстве захоронений найдены керамические сосуды, ставившиеся у ног, и ножи на поясе. Оружие (мечи, топоры, копья, сулицы и стрелы), а также косы-горбуши, бронзовые и железные котлы, кресала и огнива были характерны для мужских захоронений. Женские погребения сопровождалась богатыми наборами украшений с прибалтийско-финскими овально-выпуклыми и подковообразными фибулами. Они носились женщинами попарно на плечах для скрепления двух полотнищ платья и соединялись между собой спиралевидными и крестообразными цепедержателями с цепочками. В составе убора были зооморфные подвески в виде коньков и уток, браслеты, перстни, спиралеобразные провололочные пронизки, нашивавшиеся на одежду, бусы из бронзы, стекла и полудрагоценных камней. Незначительные размеры могильников, включавших около 10 захоронений, позволяют связывать их с небольшими семейными (родовыми) общинами, хоронившими в одном месте представителей нескольких поколений (рис. 10, 11 (см. с. I вклейки)).

Примечательно, что, в отличие от соседей, родственных по происхождению води и корелы, на территории раннего расселения ижоры вообще не известно укрепленных посе-

лений-городищ. Возможно, надежным убежищем ижоре служили непроходимые леса и болота, окружавшие со всех сторон ее земли. Не выявлены здесь пока и сельские поселения этого народа, хотя такая же ситуация характерна и для других финских племен Северо-Запада. Сложность обнаружения поселений лесной зоны объясняется кратковременностью их существования в условиях сохранявшейся длительное время архаичной системы хозяйства, в которой важную роль играли охота, рыболовство и лесные промыслы. Подсечно-огневая система земледелия, распространившаяся здесь в средневековье, приводила к быстрому истощению почвы и также вынуждала население к частой перемене места жительства. Но и с переходом к более совершенным формам хозяйства в новое время небольшие деревни, включавшие от одного-двух до нескольких дворов, не оставляли сколь-либо значимых следов в земле. Учитывая, что в тех же местах жили и в последующее время, то и эти незначительные свидетельства стирались более интенсивной хозяйственной деятельностью последующих эпох.

Рис. 10. Зооморфные подвески и игольник. Фото автора

Южное Приладожье с Ладогой сохраняли определенную автономию и экстерриториальность вплоть до включения их в состав Новгородского государства, которое состоялось только в начале XII в. [Кирпичников 1988, с. 51, 61]. В 1105 г. в Новгородской летописи говорится: «...идоша в Ладогу на войну», что связывается с присоединением ее к Новгороду в 1105 г. А 11 лет спустя, в 1116 г., посадник Павел заложил здесь «город камен», укрепив таким образом северо-западные рубежи государства [ПСРЛ 2000, т. 3, с. 203–204]. В этот период начинают осложняться отношения между Швецией и Русью. Д.А. Мачинский связывал это с прекращением правления в Швеции (после смерти в 1120-х гг. Инге Старого, тестя князя Мстислава Владимировича) дружественной по отношению к Руси королевской династии, восходящей к Стенкелю, сыну правителя Ладожского ярлства во времена Ярослава Ренгвальда [Мачинский 2003, с. 33].

Рис. 12. Остров Готланд, Висбю. Фото автора

Укрепление Ладоги позволило новгородцам установить надежный контроль на внутренних водных путях, после чего в XII в. активно развивается их мореплавание на Балтике. Путь из Новгорода проходил по Волхову через Ладожское озеро в Неву и далее в Финский залив.

В известной новгородской былине о Садко также упоминается этот маршрут плавания: «Ай поехал торговать купец богатый новгородский. Ай как на своих на черных кораблях

А поехал он да ко Волхову Ай со Волхова он да во Ладожскою Ай со Ладожского да во Неву-реку Ай как со Невы-реки как выехал на Сине море» [Былины 1986, с. 453, 461].

Именно в это время возникают новгородские торговые дворы на Готланде и в Сигтуне – столице Шведского королевства (рис. 12). Новгородские купцы становятся частыми гостями в Дании, немецких городах, в Польше и Восточной Прибалтике [Мавродин 1949, с. 110–115]. С торговлей, вероятно, связан и расцвет самой Ладоги, значительно увеличившей свою территории по сравнению с поселением эпохи викингов и где в середине – второй половине XII столетия было построено сразу шесть каменных храмов. В XI–XIII вв. происходит древнерусская колонизация территорий Ижорского плато и Восточного Причудья, что, несмотря на отсутствие здесь крупных городских центров, создало основу для укрепления позиций Новгорода в Восточной Прибалтике.

Начало крестоносной экспансии в Восточной Прибалтике

Относительно спокойное течение жизни в удаленных от центров европейской цивилизации северных землях сохранялось на протяжении многих столетий. Малочисленные финские племена, рассредоточенные на значительных территориях и находившиеся в даннической зависимости от более сильных соседей – скандинавов, а впоследствии от Руси, испытывали и культурное влияние с их стороны. Доминирование древнерусских княжеств в Восточной Прибалтике продолжалось вплоть до рубежа XII–XIII вв. Но с развитием крестоносного движения и торговой активности государств Северной Европы в этом регионе он становится одним из перспективных районов колонизации. Размеренная жизнь на покрытых непроходимыми лесами и болотами землях подходит к концу. Уже с середины XII в. на Балтике начинается крестоносная экспансия германских государств и Дании против западных славян под предлогом обращения их в христианскую веру. За ней последовали вторжения рыцарских орденов Швеции и Дании далее на восток, в земли финских и балтских племен. В конце XII – начале XIII вв. многие из них уже находились в зависимости от Новгородского и Полоцкого княжеств. Однако русские князья, увязшие в междоусобных войнах, не смогли эффективно противодействовать западной экспансии.

Тогда же начинается длительная борьба Новгорода с западными завоевателями за влияние на прибалтийско-финские племена эстов, еми, корелы, ижоры и води (рис. 13, см. с. II вклейки). Но до нас дошли лишь отрывочные сообщения письменных источников о военных действиях в Восточной Прибалтике в середине – второй половине XII в. Из Новгородской I летописи известно, что в 1142 г. западно-финское племя емь вторглось в новгородские земли: «придоша емь и воеваша область Новгородскую, избиша ладожане 400 и не пустиша ни мужа». Судя по этому описанию, можно предполагать, что племя емь на судах вторглось в Ладожское озеро и в отражении этого набега участвовали только ладожане.

Примечательно, что в том же году в Восточной Балтике корабли шведского флота напали на суда новгородских купцов, возвращавшихся из Дании, которым удалось отбиться, нанеся противнику урон: «приходи свейский князь с пискупом в 60 шнек на гость, иже суть из заморья шли в 3 лодях и бишася и неуспеша ничтоже, и отлучиша их три лоды, избиша их полторасти» [ПСРЛ 2000, т. 3, с. 212]. Вероятно, оба этих нападения связаны между собой и обусловлены какими-то противоречиями, возникшими на территории Финляндии. И.П. Шаскольский считает, что 60 шнек представляли собой шведское морское ополчение – ледунг, а руководство флотом князем и епископом означает, что это был крестовый поход в Восточную Прибалтику с целью «захвата какого-то участка финского побережья или, возможно, побережья в восточной части Финского залива в районе Невы» [Шаскольский 1978, с. 41]. Казалось бы, такое нападение могло быть совершено в любой части торгового пути из Дании в Новгород, проходившего вдоль шведского побережья. Но в летописи говорится именно о приходе шведов, что, вероятно, свидетельствует об их вторжении в новгородские владения, скорее всего, в районе устья Невы. И набег еми в Приладожье, возможно, проходил согласованно с этим вторжением.

Неслучайно, что в следующем, 1143 г. состоялся ответный поход корелы на емь – «ходиша Корела на Емь, и отбежаша; 2 лойву избише». Шесть лет спустя, в 1149 г., происходит новое вторжение еми, но уже в землю води: «на ту же зиму придоша емь на водь ратью в тысящи...». Зимний поход из центральной Финляндии в район Ижорского плато, судя по всему, проходил по замерзшему заливу. На этот раз отпор неприятелю давали новгородцы: «идоша по ним въ 500 с воеводою и не упустиша ни мужа» [ПСРЛ 2000, т. 3, с. 213, 215]. Приведенные отрывочные сообщения середины XII в. говорят о войнах Новгорода и зависи-

мых от него корелы, води и, вероятно, ижоры с одной стороны и западно-финского племени емь, поддерживаемого Швецией, с другой.

Начало завоевания Финляндии Шведским королевством связывают с первым крестовым походом шведского короля Эрика, получившего впоследствии прозвище Святого, при участии епископа Генриха. Поход, состоявшийся около 1155 или 1157 г., был направлен в юго-западную часть этой страны – в землю племени сумь.

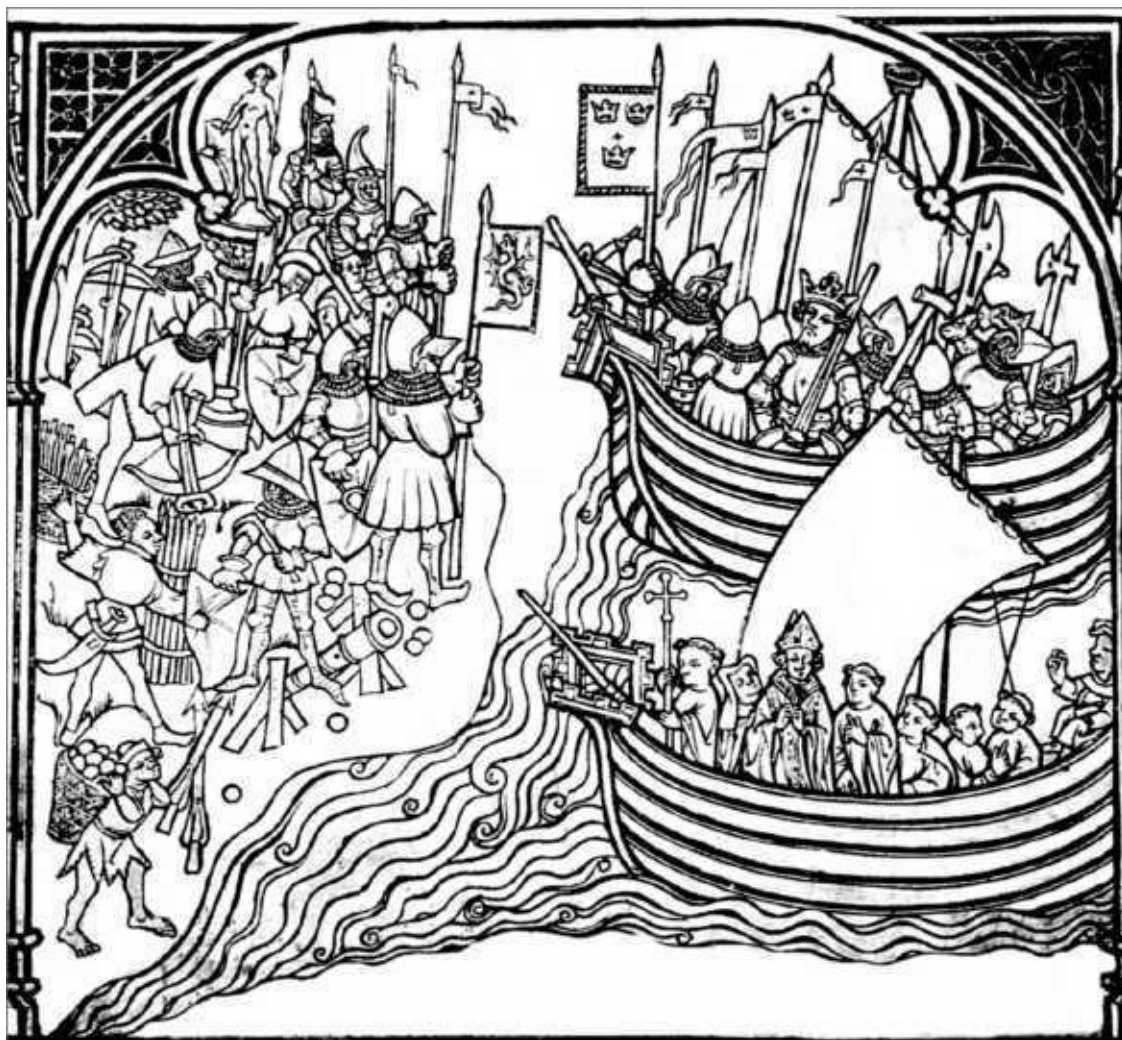

Рис. 14. Крестовый поход Святого Эрика в Финляндию. Деталь саркофага св. Генри, Национальный музей Хельсинки

Проповедь Бернарда Клервоского во Франции послужила идеологическим обоснованием Второго крестового похода в Палестину в 1146 г. А уже в 1147 г. саксонский герцог Генрих Лев организовал первый крестовый поход в балтийском регионе, направленный в земли западных славян. Последовавший вскоре крестовый поход в Финляндию был организован под влиянием пропаганды крестовых походов, развернутой в странах Западной Европы. Возможно, его инициировал папский легат Николай Альбано, посетивший Швецию в 1153 г. [Шаскольский 1978, с. 53]. Язычество западных славян, финских и балтских народов, враждовавших с соседними христианскими державами, признающими церковную власть папского престола, служило удобным поводом для их завоевания.

Эти события не упоминаются в русских летописях и шведских хрониках. Некоторый свет на них проливают только немногочисленные источники, касающиеся начала христиа-

низации Финляндии: булла римского папы Александра III архиепископу Упсальскому 1171 г. и Житие святого Эрика (рис. 14).

Несмотря на то что сумь не была данником Новгорода, шведское завоевание ставило под угрозу его отношения с зависимыми финскими племенами и свободную торговлю новгородцев на Балтике, так как основной торговый путь проходил у берегов юго-западной Финляндии. В папской булле говорится, что «финны всегда, когда им угрожают вражеские войска, обещают соблюдать христианскую веру и охотно просят проповедников и наставников христианского закона, но, когда войска уходят, отказываются от веры, презирают и жестоко наказывают проповедников». По мнению И.П. Шаскольского, упоминаемые в булле вражеские войска – это русско-корельские отряды, противодействовавшие шведскому завоеванию земли суми в 1160-х гг. и со своей стороны пытавшиеся подчинить это племя [Шаскольский 1978, с. 54, 59–62].

Битва на реке Воронеге

Через несколько лет происходит вторжение шведов и в новгородские владения. «В лето 1164 придоша Свѣе подѣ Ладогу и пожьгоша ладожане хоромы своя, а сами затворишася въ граде съ посадником Нежатою, а по князя послаша и по ногородце. Они же приступиша под город в субботу и не успеха ничтоже къ граду, нѣ большую рану въсприяша; и отступиша въ реку Вороная. Пятый же день приспе князь Святослав съ новгородци и съ посадникомъ Захарию, и наворопиша на ня, месяца мияя въ 28, на святого Еладия, въ четверток, въ час 5 дни; и победиша я божиею помощью, овы исекоша, а иныя изимаша: пришли бо бяху въ полустедадесять шнек, изымаша 43 шнекъ; а мало ихубежаша и ти езвѣни» [ПСРЛ. 2000, т. 3, с. 31].

Поход шведского флота в мае, в самом начале навигации, был рассчитан на внезапность. Но шведский рейд не оказался неожиданностью для ладожан, которые, готовясь к нападению, сожгли посад и укрепились в крепости. После того как шведы не смогли ее захватить, они отошли в юго-восточное Приладожье. Уход их объясняется разными обстоятельствами. Есть мнение, что во время штурма и вылазки ладожан шведы понесли тяжелый урон и им было необходимо «оправиться после поражения и подготовиться к новому наступлению» [Шаскольский 1978, с. 63]. Отход шведов в зону скандинавской колонизации эпохи викингов, вероятно, неслучаен – они рассчитывали найти здесь поддержку населения, предки которого составляли основу «ладожского ярлства» [Лебедев 2005, с. 495]. Территории эти были населены приладожской чуждью – носителями приладожской курганной культуры, предками вепсов и корел. В конце XII – начале XIII вв. эта культура прекратила свое существование.

Окончательное присоединение этих территорий к новгородским владениям связывается с битвой на реке Воронеге [Назаренко 1990, с. 91]. Возможно, неудача под ладожской крепостью вынудила шведскую рать искать другие цели похода: например, собрать дань с прибрежного финского населения или даже попытаться восстановить прежние, даннические, взаимоотношения с ним. Обращает на себя внимание стремительное выступление новгородцев и внезапное появление их в устье Воронеги: «пятый же день приспе князь Святослав съ новгородци». Как показывают современные экспериментальные плавания, только продвижение от Новгорода до Ладоги вниз по течению Волхова занимало около 5 дней. Кроме того, требовалось время на передачу сообщения в Новгород о появлении неприятеля, а также на сбор войск. В этой связи можно полагать, что система контроля за появлением противника и оповещения новгородцев, упомянутая в летописи в связи с Невской битвой 1240 г. [ПСРЛ 2000, т. 3, с. 292], вероятно, существовала и ранее.

Обследование предполагаемого места битвы 1164 г., проведенное в 2002 г., включало осмотр акватории озера, примыкающей к устью реки Воронежки, ее русла в нижнем течении, а также опрос местных жителей и рыбаков расположенного здесь села Вороново. По одной из местных легенд, рассказываемых старожилками, предводителя, погибшего в битве со шведами, погребли в большом кургане, который воины насыпали шлемами. Показанная местными жителями насыпь находится в лесу, вблизи кладбища, недалеко от реки. Она не похожа на типичные для Северо-Запада погребальные насыпи, имеет неправильную форму и достаточно большие размеры – высоту около 10 м и около 20–30 м в поперечнике. По своему виду она напоминает всхолмление естественного происхождения.

Сведений о находках оружия или обломков судов в озере зафиксировано не было. Видимость в нем ограничена до 0,5 м, что делает проведение подводных археологических исследований здесь малоперспективным. Во время обследования нам передали наконецник копья, найденный несколько лет назад в реке Воронежке на глубине около 1,5 м, примерно

в 0,8 км от ее устья, недалеко от южной окраины села Вороново³. Наконечник имеет следующие размеры: сохранившаяся длина – 25,5 см, реконструируемая – около 26 см. Длина лезвия составляет 13,5 см (кончик острия обломан), максимальная ширина – 4,2 см, толщина – 0,8 см. Лезвие в сечении имеет ромбическую форму. Втулка расширяется по мере удаления от лезвия и изменяет овальную в сечении форму у наконечника на округлую в основании, где ширина ее составляет около 5 см (рис. 15). Подобные типы наконечников копий существовали преимущественно в позднесредневековое время. Однако, по мнению А.Н. Кирпичникова, грубость форм этого наконечника может свидетельствовать о его местном изготовлении и в более раннее время. Таким образом, нельзя исключать отношение его к рассматриваемой битве.

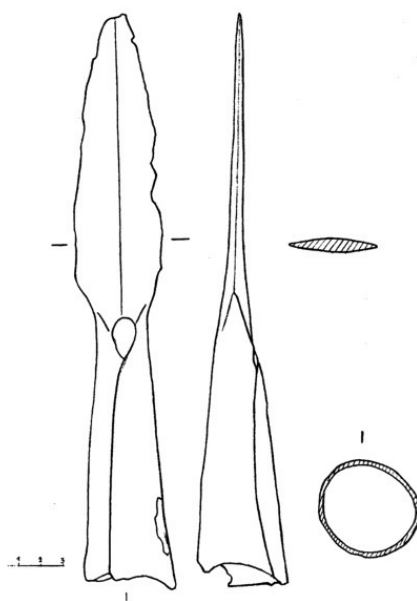

Рис. 15. Наконечник копья из реки Воронежки

В связи со строительством Ладожских (Свирских) каналов, топографическая ситуация в устье реки Воронежки значительно изменилась. Само устье, по свидетельству старожилов, сместилось на несколько десятков метров к западу от первоначального, не различаемого теперь даже в рельефе местности. Новое устье представляет собой протоку из построенного в XIX в. Новосвирского канала в озеро. Русло канала, прорытого по прибрежному пляжу, было отделено от озера высоким валом (около 5 м) из гранитных валунов, засыпанных землей.

³ Работы проводились Санкт-Петербургской археологической экспедицией. Находку обнаружил И.Н. Шпанев.

Рис. 16. Река Воронежка у устья. Фото автора

Река Воронежка в нижнем течении за каналами имеет ширину до 50 м и глубину до 2 м (рис. 16) и вполне подходит для стоянки средневековых скандинавских судов, имевших длину около 20 м, и осадку 0,5–1 м. Обычно они причаливали к берегу путем посадки на мель носовой частью и становились в ряд. Акватория озера у устья реки очень мелководна, и через нее от протоки прорыт узкий фарватер шириной не более 10 м, позволяющий малым судам с осадкой до 1 м выходить в озеро (рис. 17). Песчаные мели и гряды камней, препятствующие свободному проходу судов, продолжают на расстояние до 1 км от берега. Дно акватории песчаное, у берега заиленное, глубины колеблются в пределах 0,5–1,5 м. Вопрос об изменении уровня Ладожского озера с XII в. до наших дней не совсем ясен, в настоящее время наблюдаются лишь среднегодовые колебания уровня. В последние десятилетия прослеживается зарастание прибрежных отмелей сплошными зарослями тростника.

Как показало экспериментальное плавание на ладье «Славия»⁴, здесь существует постоянная опасность посадки на мель (рис. 18). Это затрудняет маневрирование судов при подходе к устью и выходе из реки в озеро, особенно при встречном ветре. Низменные прямые берега делают акваторию открытой для ветров всех направлений и опасной для стоянки судов. Во время шторма в 2002 г. вблизи устья реки Воронежки, в аналогичных условиях, ладья «Славия» сильным западным ветром была выброшена на мелководье. После изменения ветра и ухода нагонной волны она оказалась в 300 м от глубин (0,5–1 м), по которым могла продолжать плавание. Только в результате полной разгрузки и значительных усилий в течение нескольких часов ее удалось снять с мели. В подобных навигационных условиях шведский флот не мог оставаться в озере и должен был войти в реку.

⁴ Размеры: длина 9,5 м, ширина 2,7 м, высота 1,2 м; парус 5х4 м, 6–8 весел, осадка 0,5 м.

Рис. 18. Ладья Славил в устье реки Воронежки. Фото автора

Существует несколько точек зрения на причины и цели похода шведов на Ладогу в 1164 г. Большинство исследователей связывают его со шведскими завоеваниями в Финляндии и противодействием этому новгородцев и их союзников. В.Т. Пашуто считал, что целью вторжения было расширение завоеванной шведами территории и захват Ладоги [Пашуто 1956, с. 102]. По мнению Е. Хорнборга и И.П. Шаскольского, шведы планировали «блокировать выход из Новгорода в Ладожское озеро и к Финскому заливу, отрезать Новгороду доступ к берегам Финляндии, лишить новгородцев возможности бороться против шведского завоевания земли суми» [Hornborg 1944, s. 172]. Но в существующей ситуации они уже не имели возможности удержать за собой Ладогу [Шаскольский 1978, с. 63]. И тем более не могли восстановить свое влияние в Приладожском регионе, существовавшее во времена «сбора варяжских даней» или Ладожского ярлства в VIII–XI вв.

Крестоносцы в землях Великого Новгорода и финских племен

В качестве продолжения этой борьбы рассматриваются и последовавшие в 1178 г. походы корелы в южную Финляндию и в 1187 г. в центральную Швецию, когда корельский флот, видимо, не без новгородского участия, совершил нападение на столицу королевства Сигтуну, полностью уничтожив ее. Вероятно, здесь сыграл роль фактор внезапности, так как шведы, организовывавшие морские походы в Восточную Прибалтику, не были готовы к ответному нападению, причем не на побережье, как это иногда случалось, а в центральных землях государства. В 1191 г. состоялся еще один поход новгородцев с корелою на емь, а в 1198 г. новгородцы разрушили центр шведской колонизации в Финляндии – город Або. Складывается впечатление, что в конце XII в. Новгород и его союзники одерживали верх в борьбе.

Ситуация изменилась в первой четверти XIII столетия, с началом завоевания немецкими рыцарскими орденами и Датским королевством Восточной Прибалтики, когда Новгороду пришлось противодействовать экспансии и на этом направлении.

В конце XII – начале XIII вв. в земли куршей, ливов, латгалов и эстов вторгаются немецкие и датские крестоносцы. Основав замки в ключевых пунктах завоеванной территории, они начинают покорение этих народов. В 1215 г. немецкие рыцари захватили город Юрьев в Юго-Восточной Эстонии. В 1220 г. шведский король Юхан I совершил завоевательный поход в Западную Эстонию, но вскоре созданные здесь шведами укрепления были взяты и разрушены эзельцами. К 1220-м гг. крестоносцы уже достаточно прочно утверждаются в землях Восточной Прибалтики и западной Финляндии. Крестоносная экспансия, приближавшаяся к новгородским землям с двух сторон, через территории современных Финляндии и Эстонии, угрожала отрезать Русь от Балтики в случае, если оба потока сомкнутся в Ижорской земле.

Колонизационная политика Новгорода в отношении соседних финских племен в это время напоминала систему раннесредневековых племенных союзов, в которых зависимые народы находились в номинальном подчинении, заключавшемся преимущественно в выплате дани. Власть над ними поддерживалась только силой оружия, а поскольку на территориях этих племен не было постоянного русского населения и военных отрядов, она во многом зависела от реального соотношения сил. Для утверждения своей власти русским князьям необходимо было регулярно повторять военные походы в земли своих данников, о чем и свидетельствуют летописи. Зависимые племена в основном сохраняли свои традиционные систему управления и религиозные верования.

В отличие от Руси, западные государства в ходе крестоносной экспансии в земли балтских и финских племен сразу же создавали на завоеванных территориях сеть крепостей – опорных пунктов, в которых размещались постоянные военные гарнизоны. Лучшие земли делились между завоевателями, а местное население облагалось налогами и насильственно обращалось в католичество. Это была система военного подавления.

В Хронике Генриха Латвийского описано вторжение эстов в 1221 г. в Ижорскую землю: «Жители Саккалы перешли Нарову и сделали далекий поход в землю, называемую Ингардия, относящуюся к Новгородскому королевству. Так как никакие известия их не опередили, то нашли ту область полной народу и нанесли инграм тяжкий удар, перебили много мужчин, увели массу пленных обоего пола, множество овец быков, и разного скота не смогли захватить с собой и истребили» [Генрих Латвийский 1938, с. 222]. В русских летописях это событие не упоминается. Но в следующем, 1223 г. начинается восстание эстов против крестоносцев.

Князь Ярослав Всеволодович совершает в том же году поход к «Колываню (Таллину. – П. С.), и повоева всю землю Чюдьскую, а полона приведоша бесчисла, но город не взяша, а злата много взяша и приидоша все здравии...» [ПСРЛ 2000, т. 3, с. 262–263]. Мощные крестоносные замки, оборонявшиеся хорошо вооруженными гарнизонами и во многих случаях связанные с морем, что обеспечивало им непрерывную поддержку, были неприступны для русских войск. Это позволяло западным государствам сохранять свои владения в Восточной Прибалтике и Финляндии на протяжении всего средневековья, несмотря на частые вторжения русских князей.

В осложнившихся условиях русские князья пытались энергично противодействовать дальнейшей крестоносной экспансии в земли зависимых от них балтских и финских племен, изменив свою традиционную политику по отношению к ним. В результате восстания эстов в 1223 г. город Юрьев был освобожден от крестоносцев. Новгородцы послали в поддержку восставшим отряд – 200 человек во главе с князем Вячко. Но сил оказалось недостаточно: в 1224 г. после продолжительной осады городом овладели меченосцы. «Убиша князя Вячка немци в Гюргеве, а город взяша», – сообщала Новгородская летопись [ПСРЛ 2000, т. 3, с. 61]. Масштабная поддержка восстания эстов новгородцами была невозможна. В 1223 г. объединенные русские войска потерпели сокрушительное поражение в битве на реке Калке от монголов. В том же году произошло вторжение литовцев в новгородские земли.

Только в конце 1220-х гг., чтобы отодвинуть угрозу от рубежей Руси, великий князь Ярослав Всеволодович начинает военные действия на Северо-Западе. В 1227 г., обеспокоенный шведскими завоеваниями в Финляндии, он совершил с новгородцами поход на племя емь «и повоева всю землю и полон приведе бесчисла» [ПСРЛ 2000, т. 3, с. 65]. В том же году он направил миссию в соседнюю Карелию – «послал крести множество Корел, мало не все люди» [ПСРЛ 2001, с. 450]. Очевидно, что целью ее было усиление новгородского влияния на корелу, а также превентивные меры для демонстрация того, что крестовые походы в земли зависимых от Новгорода финских племен, проходившие под предлогом их христианизации, не имели под собой реального основания.

Как видно из последующих событий, победа над емью была не полной. Уже в следующем, 1228 г., войдя на судах в Ладогу, емь совершила нападение на прибрежные поселения – «воюя по побережью». Ладожане преследовали агрессоров, но не смогли настичь, однако при выходе из Ладоги «ижеряне устретоша их бегающе и ту их избиша много», – свидетельствует летописец [НЛ СХС 1888, с. 224]. Как показывают археологические данные, ижора, населявшая Приневье, занимала тогда территории, удаленные на 20–30 км от берегов реки. Одной из причин такого расселения была постоянная опасность вражеских вторжений со стороны Балтики. Это первое летописное известие об участии ижоры в отражении нападения. Учитывая, что подобные вторжения совершались и ранее и первыми, кто противодействовал им, назывались ладожане, можно предположить, что ижорские отряды могли действовать во взаимодействии с ладожским ополчением или в его составе. Предположение согласуется с ранними легендами о вхождении ижоры в состав Ладожской земли.

Рис. 19. Река Нева в среднем течении. Фото автора

Вторжения в Ладогу проходили по Неве. Другие пути, в первую очередь по Вуоксе, а также по северо-западным притокам, связанным с Сайменской системой озер в восточной Финляндии, были труднопроходимы из-за многочисленных порогов и могли контролироваться корельским населением. Наличие сильного флота зачастую позволяло неприятелю, избегая сухопутных столкновений, подниматься вверх по течению Невы до Ладоги. Большие парусно-гребные суда могли проходить реку без остановок. Учитывая ее значительную ширину (до 600 м), они почти не опасались обстрелов с побережья (рис. 19). Единственными опасными местами были места сужения Невы, наибольшее (до 250 м) в районе Ивановских порогов, и участки с быстрым течением, вынуждавшие приближаться к берегу, а возможно, и переволакивать суда вдоль него. Несмотря на значительную ширину, Нева была наиболее контролируемым участком на водном пути, проходившем через новгородские земли от Финского залива до южного Приладожья. Учитывая, что проход вверх по ее течению занимал 3–4 дня, своевременное сообщение позволяло подготовиться к вторжению неприятеля в Ладожское озеро.

Судя по имеющимся в летописях данным, ижора могла оповещать ладожан и новгородцев о приближении неприятеля и своими силами участвовать в отражении таких вторжений. Это могли быть нападения на места стоянок или небольшие отряды противника, обстрел его во время прохождения им сложных в навигационном отношении участков пути и другого рода диверсии. Для полной остановки вторжения требовались сопоставимые по численности военные силы и флот.

В том же 1228 г., придя в Новгород с войсками из Северо-Восточной Руси, Ярослав Всеволодович планировал большой поход на Ригу с целью остановить крестоносную экспансию в Восточной Прибалтике. Однако сначала псковичи, заключившие сепаратный мир с немцами, а затем и новгородцы не поддержали его планов. Только в 1234 г. ему удалось

организовать поход в юго-восточную Эстонию на Юрьев, после которого Ярослав заключил мир с немцами [ПСРЛ 2000, т. 3, с. 73]. Время было упущено, и крестоносцы успели подавить сопротивление эстов.

Положение северо-западных земель еще больше осложнилось после монголо-татарского нашествия 1237–1240 гг., обескровившего Русь и оставившего Новгород без прочного тыла. В 1230-1240-х гг. у ее северо-западных границ возникает сильное литовское государство князя Миндовга, разгромившего в 1236 г. ливонских рыцарей в битве при Сауле. В 1237 г. произошло объединение Ордена меченосцев Ливонии с Тевтонским орденом Пруссии, приведшее к усилению немецкого владычества в Восточной Прибалтике. В 1238 г., после гибели Юрия Всеволодовича Владимирского в битве с татарами на реке Сити, Ярослав Всеволодович получил великое княжение, а его сын Александр – управление Новгородом и Тверью.

Осознавая, что Новгородское государство является основным препятствием для захвата прибалтийско-финских земель католическими странами и орденами, римский папа пытался скоординировать их действия. В буллах, разосланных епископам балтийских стран, папа Григорий IX требовал прекращения всяких торговых отношений с русскими, и в особенности продажу на восток оружия, меди, свинца, лошадей и продовольствия, то есть того, что могло быть использовано в войне, «до тех пор, пока последние не прекратят все враждебные действия против новокрещеных финнов». Он также призвал к крестовому походу на емь, все еще сопротивлявшуюся шведской экспансии.

Папский легат в Финляндии и Прибалтике кардинал Вильгельм Сабинский в 1237 г. урегулировал территориальные противоречия Тевтонского ордена и Датского королевства. По заключенному между ними соглашению Дания вернула свои права на владение северной Эстонией.

Некоторые исследователи указывают на то, что достоверные исторические свидетельства, подтверждающие организацию совместного крестового похода западных государств в Новгородскую землю в 1240–1242 гг., отсутствуют. Несмотря на то что в 1238 г. руководители Дании и Тевтонского ордена фактически договорились о совместных действиях против Новгорода, шведская сторона в этом не участвовала. А впоследствии и датчане не смогли принять активного участия в военных действиях из-за смерти в марте 1241 г. их короля Вальдемара. На независимое выступление противников Новгорода указывает и документ, свидетельствующий о планах Ордена установить контроль на территории всех прибалтийско-финских племен, входивших в состав Новгородского государства, включая ижору и корелу. Но этот акт был составлен в Риге в апреле 1241 г., после поражения шведов на Неве [Хрусталева 2009, с. 268–269]. Часть западных историков считают вторжения крестоносцев на русский Северо-Запад разрозненными, недостаточно спланированными акциями местного значения, приграничными столкновениями, не ставившими своей целью завоевание территорий и носившими более оборонительный характер [Феннел 1989; Хеш 1995, с. 65–74].

Однако, рассматривая события в общем контексте папской политики по распространению католичества и западноевропейской крестоносной экспансии в Восточной Прибалтике, следует отметить, что это было первое одновременное вторжение нескольких западных государств в новгородские владения. Его, несомненно, обусловили события, происходившие в те годы в Восточной Европе. Чтобы использовать благоприятную ситуацию, связанную с татарским нашествием на Русь, «три силы европейского рыцарства: шведы, немцы и датчане – впервые объединились для нападения на русские земли» [Шаскольский 1978, с. 150–151; 1995, с. 17]. Несмотря на существующие противоречия между завоевателями, временная консолидация западных держав представляла непосредственную угрозу для существования Новгородского государства.

Битва на Неве

Невская битва в летописях

В историографии существует широкий спектр мнений о значении Невской битвы в русской истории: от прямого отрицания ее как исторического факта до изображения одним из крупнейших сражений в истории Руси. В российской истории Невская битва традиционно стояла в одном ряду с другими важнейшими сражениями, решавшими судьбы страны.

Наиболее важными источниками сведений о сражении являются Новгородская I летопись старшего извода, датируемая 1330 гг., и литературный памятник «Повесть о жизни и о храбрости благоверного и великого князя Александра», вошедший в историческую литературу как Житие Александра Невского. Сведения о Невской битве попали с некоторыми добавлениями в другие летописи: Софийскую I, Псковскую I и III, Новгородскую IV, Рогожский летописец, Летописец Авраамки. Текст «Повести», написанный, по мнению специалистов, со слов участников битвы, также сохранился в нескольких редакциях. До наших дней она дошла в составе Псковской II летописи, датируемой концом XV в., как «Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра». Большинство исследователей склоняются к тому, что летописное сообщение и «Повесть» не связаны между собой и взаимно дополняют друг друга [Бегунов 1995, с. 55–58; Лурье 1997].

В шведских хрониках битва 1240 г. вообще не упоминается. Существует мнение западных историков, что в русской историографии масштабы Невской битвы сильно преувеличены, а в Швеции она не известна по причине ее малой значимости [Линд 1995, с. 44–51]. Но это может объясняться и недостаточной развитостью шведской хроникальной традиции того времени [Шаскольский 1995, с. 16; Линд 1995, с. 51]. В Швеции вплоть до 1320-х гг., когда была составлена Хроника Эрика, отсутствовала письменная запись событий, аналогичная русским летописям. Хотя Хроника и описывает предшествующие времена, но в нее вошла лишь выборочная информация о событиях столетней давности, память о которых могла быть частично утрачена или сознательно не включена в описание.

В Синодальном списке Новгородской I летописи старшего извода, написанной, вероятно, вскоре после битвы, говорится:

«В лето 6748 (1240) Придоша Сvei в силе велице и Мурмане, и Сумь и Емь в кораблех множество много зело; Сvei с князем и с пискупы своими, и стаиша в Неве устье Ижеры, хотяче восприяти Ладозу, просто же реку, и Новгород, и всю область Новгородскую. Но еще преблагый, премилостивый человеколюбец Бог ублюде ны и защити от иноплеменник, яко всуе трудишася без Божия повеления: приде бо весть в Новгород, яко Сvei идут к Ладозе, князь же Олександр не умедли нимало с Новгородци и с Ладожаны приде на ня и победи я силою святыя Софья Молитвами владычица нашея Богородица и приснодевица Мария, месяца июля в 15, на память святого Кюрика и Улиты, в неделю на Сбор святых отец 630 иже в Халкидон; и ту бысть велика сеча Свеем и ту убиен бысть воевода их именем Спиридон; а инии творяху, яко и пискупъ убиень бысть ту же; множество много их паде, и накладше корабля два вятиших мужь прежде себе пустиша и к морю; а прок их ископавше яму, вметаша в ню беицисла, а инии мнози язвѣни быша; и в ту ноць не дождавши света понедельника, посрамлени отейдоша. Новгородец же ту паде Константин Луготинец, Гюрята Пинециничъ, Наместь, Дрочило Нездылов, сын кожевника, а всех 20 мужь с Ладожаны, или мне бог весть, Князь Олександр с новгородци и с ладожаны придоша вси здрави в своя си, сохранени Богом и Святою Софьею и молитвами всех святых» [НПЛ 1950, с. 77].

В «Повести о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра» содержатся более подробные сведения об обстоятельствах и ходе сражения. Однако описание в ней носит литературно-религиозный и даже эпический характер, что ставит под сомнение отдельные подробности повествования.

«...Король римской веры из Полуночной страны подумал: Пойду и завоюю землю Александрову. И собрал войско великое и наполнил многие корабли полками своими, устремился в силе великой, кипя духом ратным. И пришел к Неве, влекомый безумием, и послов своих, возгордившись, в Новгород, к князю Александру послал, говоря: Если можешь, то сопротивляйся мне, я уже здесь и беру в плен землю твою.

Александр же, услышав слова эти, распалился сердцем, и вошел в церковь святой Софьи и, упав на колени перед алтарем, начал молиться со слезами: Боже славный, праведный Боже великий, крепкий. Боже превечный, сотворивший небо и землю и поставивший пределы народам, ты повелел жить, не вступая в чужие пределы. И вспомнив псаломскую песнь, сказал: Суди, Господи, обидящим меня и побори борющихся со мной, возьми оружие и щит, восстань на помощь мне. И окончив молитву, встал, поклонился архиепископу. Архиепископ же Спиридон благословил его и отпустил. Он же, выйдя из церкви, вытер слезы, начал ободрять дружину свою, говоря: Не в силе Бог, а в правде. Помянем Песнотворца, который сказал: Иные с оружием, а иные на конях, а мы имя Господа Бога нашего призовем, они поколебались и пали, мы же восстали и стоим прямо. И сказав это, пошел на них с небольшой дружиной, не дожидаясь многих войск своих, но уповая на святую Троицу. Скорбно же было слышать, что отец его, благородный Ярослав Великий, не знал о нападении на сына своего, милого Александра, не было у Александра времени послать весть к отцу, ибо уже приближались враги. Потому и многие новгородцы не успели присоединиться к нему: так спешил князь выступить.

И пошел на них в день воскресения, июля 15, в день памяти шестисот тридцати святых отцов бывшего в Халкидоне собора и святых мучеников Кирика и Улиты имея же веру великую во святых мучеников Бориса и Глеба. И был некий муж, старейшина земли Ижорской, по имени Пелгусий. Поручен же был ему морской дозор. Восприял же святое крещение и жил среди рода своего, который оставался в язычестве. Наречено же было имя ему в святом крещении Филипп. И жил он богоугодно, соблюдая пост в среду и пятницу. Поэтому удостоил его Бог увидеть необыкновенное видение в тот день. Расскажем об этом вкратце. Разведав о силе войска, он пошел навстречу князю Александру, чтобы рассказать князю о станах их и об укреплениях (рис. 20). Когда стоял Пелгусий на берегу моря и стерег оба пути, он не спал всю ночь. И когда же начало восходить солнце, он услышал на море страшный шум и увидел ладью, плывущую по морю, а посередине ладьи – святых мучеников Бориса и Глеба, стоящих в одеждах багряных и держащих руки на плечах друг друга. А гребцы сидели, словно окутаны облаком. И сказал Борис: „Брат Глеб, вели грести, да поможем сроднику своему Александру“. Увидев такое видение и услышав слова мученика, стоял Пелгусий потрясенный, пока ладья не скрылась с глаз его. Вскоре после этого приехал князь Александр. Пелгусий же взглянул радостно на князя Александра и поведал ему одному о видении. Князь же ему сказал: Об этом не рассказывай никому. После того решился напасть на них в шестом часу дня. И была сеча великая с латинянами, и перебил их бесчисленное множество, и самому королю возложил печать на лицо острым своим копьем.

Рис. 20. Видение Пелгусия.
Миниатюра Лицевого летописного свода сер. XVI в.

Здесь же в полку Александровом отличились шесть мужей храбрых, которые крепко бились вместе с ним. Один – по имени Гаврила Олексич. Этот напал на судно и, увидев королевича, которого тащили под руки, въехал по мосткам, по которым всходили, до самого корабля. И побежали все перед ним на корабль, затем обернулись и сбросили его с мостков с конем в Неву. Он же с Божьей помощью оттуда выбрался невредимым и снова напал на них, и бился крепко с самим воеводою, окруженным воинами. Другой – новгородец, по имени Сбыслав Якунович, не раз нападал на войско их и бился одним топором, не имея страха в сердце своем. И многие пали от руки его и подивились силе его и храбрости. Третий –

Иаков, полочанин, был ловчим у князя. Этот напал на врагов с мечом и мужественно бился, и похвалил его князь. Четвертый – новгородец, по имени Миша. Этот пеший с дружиною своею напал на корабли и потопил три корабля латинян. Пятый – из младшей дружины, по имени Савва. Этот напал на большой златоверхий шатер и подрубил столб шатерный. Воины же Александровы, увидев падение шатра, обрадовались. Шестой – из слуг его, по имени Ратмир. Этот бился пешим, и окружило его много врагов. Он же от многих ран упал и скончался. Обо всем этом слышал я от господина своего Александра и от других, кто в то время участвовал в той сече.

Было же в то время чудо дивное, как в древние времена при Езекии царе, когда пришел Сенахирим, царь ассирийский, на Иерусалим, стремясь захватить святой город, и внезапно появился ангел Господень и перебил 185 000 воинов ассирийских. И когда наступило утро, нашли их трупы. Так же было и после победы Александра, когда победил короля: на другом берегу реки Ижоры, где полки Александра не могли пройти, нашли множество врагов, перебитых ангелом Божиим. Оставшиеся бежали, а трупы погибших своих набросали в корабли и потопили в море. Князь же Александр возвратился с победою, хваля и славя имя своего Творца»⁵.

Нельзя забывать, что «Повесть» – типичное для средневековья произведение житийной литературы, где исторические события служат фоном для идеологического обоснования канонизации святого. Существуют разные мнения о месте и времени ее создания. В.А. Кучкин считает, что она была написана вскоре после смерти Александра Ярославина – около 1264 г. [Кучкин 1996, с. 3]. С точки зрения Ю.А. Бегунова, это произошло в Рождественском монастыре во Владимире, где был погребен князь, в 1282–1283 гг. [Бегунов 1995, с. 53]. Бытует также мнение, что первоначальная версия, положенная в основу «Повести», была создана в Новгороде по инициативе боярства с Прусской улицы в целях возвеличивания своего кончанского⁶ Борисоглебского храма. Основанием для такого заключения послужила особая роль, отводившаяся в произведении братьям великомученикам Борису и Глебу, культ которых достигает расцвета в Новгороде как раз в середине XIII в. Кроме того примечательно, что упоминаемые среди героев битвы Миша и Гаврила Олексич известны из других письменных источников как бояре с Прусской улицы Новгорода, как и еще один персонаж этих событий – Збыслав Якунович, избранный в 1243 г. новгородским посадником [Янин 1974, с. 88–93].

Ход битвы, описанный в Повести, хорошо проиллюстрирован в Московском лицевом летописном своде середины XVI в. [Житие Александра Невского 1992]. Подробные иллюстрации, воспроизводящие отдельные сюжеты повествования, не только дают образное представление о событиях, но и показывают их детали. Зачастую на миниатюре можно видеть одного и того же героя в различных ситуациях, происходивших последовательно, согласно тексту литературного произведения. Иллюстрации, выполненные в соответствии с канонами миниатюрного жанра той эпохи, не могут претендовать на достоверность. Тем более что между битвой и появлением лицевого летописного свода существует 300-летний временной промежуток. Автор миниатюр в меру своего понимания старался воспроизвести ход излагаемых в «Повести» событий, используя существовавший набор канонических приемов и символов. На них можно видеть изображения горных ландшафтов и рек, не передающие, конечно, реальные особенности местности, на которой разворачивались события. Схематично нарисованные архитектурные сооружения, даже те, которые, возможно, были знакомы автору, как София Новгородская, имеют лишь отдаленное сходство с реаль-

⁵ Текст Жития печатается по изданию: Бегунов Ю.К. Кто с мечом: Три произведения древнерусской литературы XIII–XV веков. М., 1975. С. 75–81.

⁶ В средневековых русских городах существовала кончанская система местного самоуправления. В концах – городских районах – имелись свои храмы.

ными объектами. Одежда и предметы вооружения показаны с большей достоверностью, но в основном передают черты современных автору костюмов и оружия. Несмотря на указанные обстоятельства, следует учитывать, что миниатюрист более приближен к эпохе Невской битвы и мог передать какие-то детали объективнее, чем их представляют современные исследователи (рис. 21, см. с. IV вклейки).

В исторических документах достаточно подробно освещаются обстоятельства и ход битвы, однако есть и неясные моменты, вызывающие полемику. Среди спорных вопросов – масштабы и цели шведского вторжения на Русь. Большинство исследователей сходятся в том, что вторжение на Неву стало продолжением событий в западной Финляндии и крестового похода, организованного в землю тавастов (еми). Существует мнение, что поход должен был стать демонстрацией шведской военной силы и показать способность вести войну на новгородской территории. Несмотря на поражение, которое шведы потерпели на Неве, он помог укрепить новую «шведскую католическую границу в Финляндии» [Нордлинг 1977, с. 81]. Согласно традиционной датировке, основанной на сопоставлении других событий, упомянутых в Хронике Эрика, шведское вторжение в центральную Финляндию состоялось только в 1249–1250 гг. Однако ряд историков считает, что оно могло произойти и раньше [Линд 1995, с. 51–52]. Есть мнение, что крестовый поход, готовившийся согласно папской булле 1237 г. против еми, в изменившейся политической ситуации, после разгрома Руси монголами, был переориентирован в новгородские владения [Шаскольский 1995, с. 16–17]. По вопросу о задачах этого похода также существуют разные суждения. Одни считают вторжение обычным военным набегом в ответ на действия новгородцев на территории Финляндии, другие полагают, что шведы имели более серьезные завоевательные планы.

Источники подтверждают последнюю версию. Во всяком случае, в других летописных сообщениях о вторжениях шведов на Северо-Запад Руси, речь о захвате земель не идет. Исключение составляет поход короля Магнуса в 1348 г. В «Повести» говорится о намерении врагов захватить «землю Александра», а в летописи: Ладогу, «просто же реку, и Новгород, и всю область Новгородскую». Под рекой, вероятно, следует понимать Неву, а возможно также и Волхов, связывавшие Северо-Западную Русь с Балтикой. Обращает на себя внимание то, что шведы, пришедшие в Неву, не воспользовались фактором внезапности, как это случалось обычно, при грабительских рейдах, когда они, используя превосходство своего флота, разоряли земли Приневья и Приладожья до прихода ладожан и новгородцев. В этот раз они на длительное время останавливаются при впадении реки Ижоры в Неву и не вторгаются вглубь территории Руси, тем самым предоставив новгородцам возможность взять инициативу в свои руки.

Лагерь или крепость?

Рассматривая вторжение 1240 г. в общем контексте шведского и тевтонского продвижения на восток, следует полагать, что после покорения эстов датскими и немецкими рыцарями и еми шведами, захватнические планы крестоносцев распространились на их восточных соседей: водь, ижору и корелу. И если первоначально вторжения этих государств в земли прибалтийско-финских народов, находившихся в зависимости от Новгорода, носили характер устрашающих и грабительских, то по мере закрепления в опорных пунктах на побережье, начинается продвижение во внутренние земли, где также строятся крепости и замки, создающие прочную основу для колонизации. Еще в 1220 г., во время похода в западную Эстонию, шведские войска соорудили там укрепления, которые должны были стать опорным пунктом на завоеванной территории. Всего через год после Невской битвы, в 1241 г., тевтонцы попытались построить крепость в земле води (Копорье), шведы же в 1256 г. вместе с немецкими рыцарями начинают сооружать укрепления в устье р. Нарвы. В 1293 г. шведы основывают Выборгский замок в землях корелы, а в 1300 г. предпринимают попытку закрепиться в Ижорской земле, построив при впадении р. Охты в Неву крепость Ландскрона.

Такое развитие событий позволяет предположить, что подобная цель ставилась и в 1240 г. у устья реки Ижоры. Место это, находящееся в среднем течении Невы, ниже труднопроходимых Ивановских порогов, обладало удобным географическим положением для контроля на водном пути, организации судоходства и ведения торговли. Оно имело также несомненные топографические преимущества – тихие заводи для стоянки и ремонта кораблей⁷, для перегрузки товаров с морских судов на речные и наоборот, а также ландшафтные особенности, подходящие для сооружения укреплений. Крепость, расположенная в центре Ижорской земли, позволила бы надежно контролировать водный путь по Неве и территорию расселения ижоры [Сорокин 1993, с. 12]. Устье Ижоры было относительно недалеко от Финского залива, в 1–2 днях пути, что облегчало доступ к нему с моря на судах в случае начала военных действий. Размещение укрепленного пункта выше Ивановских порогов делало бы поддержание связей с Балтикой более сложным.

Предположение о начале сооружения здесь шведских укреплений подтверждается сообщением Лаврентьевской летописи XIV в., где говорится, что Пелугий указал новгородцам «станы и обрытья» неприятеля [ПСРЛ 1926–1928, т. 1, с. 479]. Одни исследователи трактуют это сообщение как начало строительства крепостных сооружений [Кучкин 1996, с. 14]. Другие считают, что речь идет о временном полевом лагере шведов [Кирпичников 1996, с. 31].

Термин «стан», действительно, обозначал в древнерусском языке скорее место остановки, временный военный лагерь, а не крепость [Срезневский 1989, т. 3, ч. 1, с. 491]. Поэтому и более редкий термин «обрытья»⁸, интерпретируемый как «окоп» [Срезневский 1989, т. 2, ч. 1, с. 551], нельзя однозначно расценивать как признак строительства долговременной крепости. Временные военные лагеря в средневековое время известны по письменным документам как на Руси, так и в Швеции.

Временные укрепления упоминаются в шведских средневековых источниках в связи с военными походами и осадами крепостей XII–XVI вв., но большинство из них сложно соотносить с сохранившимися в настоящее время земляными сооружениями. В некоторых слу-

⁷ Заводь с медленным течением у левого берега Невы ниже устья Ижоры использовалась в XIX–XX вв., для формирования плотов при сплаве леса и для отстоя судов, проходивших по Неве.

⁸ И.И. Срезневский в «Словаре древнерусского языка» (репринт, 1989, т. 2, ч. 1, с. 551) приводит этот термин только в контексте данного летописного сюжета и интерпретирует его как «окоп». Термин «обрыться» означал «окружить себя рвом, окопаться».

чаях в документах используется латинское слово «castra» – военный лагерь. В период позднего средневековья встречаются названия «skarmar» – заграждения, «campis» или «lager» – лагерь. Часто речь идет о военном лагере, в котором войска создавали базу, или о защитном сооружении потерпевших поражение на поле боя при последней попытке сопротивления. Для того, чтобы воспрепятствовать продвижению наступающих сил, устраивали завалы и засеки, которые «не всегда охранялись войсками и делались с единственной целью: замедлить продвижение противника». Обычно лагеря располагались на возвышенных и закрытых местах и были небольшими по площади. Размеры их зависели от того, «сколько людей, повозок и лошадей нужно было защитить», но прямой связи между количеством войск и размерами лагеря не существовало. Известны мысовые укрепления размером 50х30 м и прямоугольные шанцы, но чаще встречаются сооружения округлой формы, достигавшие всего 20–30 м (в одном случае – около 50 м) в поперечнике. Когда не было других возможностей, они располагались на открытой местности. Все эти сооружения были слабо укреплены и защищались мелкими рвами и невысокими валами, которых могло быть по два [Loven 1999, s. 229–233]. Вероятно, земляные сооружения могли усиливаться деревянными частоколами.

Следов средневековых укреплений у устья Ижоры пока не обнаружено, поэтому в настоящее время решить вопрос, какого рода сооружения упомянуты летописью, не представляется возможным. Учитывая быстрое появление русских войск на Неве, можно допустить, что они застали начальный процесс строительства укреплений, поэтому определить, что именно строили шведы, затруднительно. Однако, если рассматривать эти события как согласованные действия Тевтонского ордена и Шведского королевства, то вполне вероятно, что в результате совместного вторжения в новгородские владения, они планировали разделить захваченные территории и надежно закрепиться на них путем строительства крепостей: немецкой – в центре Водской земли, в Копорье, и шведской – в центре расселения ижоры, в устье одноименной реки. Таким образом, длительная остановка шведов в устье Ижоры могла быть также вызвана ожиданием подкрепления или начала вторжения немецких рыцарей.

Именно этими обстоятельствами может объясняться как необычное «промедление» шведского войска, задержавшегося в среднем течении Невы, так и поспешность выступления князя Александра, который напал на неприятеля с малыми силами, не дожидаясь помощи от отца, великого князя Владимирского, с тем, чтобы не дать шведам закрепиться на занятой ими территории.

Путь к устью Ижоры

Учитывая, что плавание вверх по Неве и Ладожскому озеру до устья Волхова занимало около 5–6 суток, сообщение в Новгород могло быть отправлено уже при появлении шведского флота в устье Невы или даже в Финском заливе. Акватория залива просматривается в ясную погоду не только с побережья, но и с Дудоровских высот и даже из района Копорья, удаленных от залива более чем на 10 км. Таким образом, отправка сообщения о появлении неприятеля могла опередить его появление в устье Ижоры на 2–3 дня. Поездка посыльного в Новгород занимала около 1–2 дней.

Получив известие о приходе шведов, князь Александр Ярославич, собрав малую дружину в Новгороде, выступил навстречу противнику. Каким путем двигались русские войска – летописи не сообщают. Они могли спуститься по воде или посуху вниз по Волхову к Ладоге, где к ним примкнул отряд ладожан [Караев, Потресов 1970, с. 82–83; Кучкин 1996, с. 14]. Такой вариант предусматривал упреждение шведского набега на Ладогу и защиту этой крепости на рубеже Новгородской земли. Существует мнение, что, дойдя из Ладоги до устья Тосны, войска с местными ижорскими проводниками сначала поднялись вверх по течению реки на 6 км до места наибольшего сближения с бассейном Ижоры, а затем через водораздел вышли на реку Большая Ижорка и по этому притоку прошли до реки Ижоры, устроив по пути привал [Караев, Потресов 1970, с. 116–117; Шаскольский 1995, с. 21].

По мнению А.Н. Кирпичникова, русские войска двигались по более короткому маршруту, протяженностью около 150 км: сначала по Водской дороге на Тесово (верхнее Полужье), а затем к реке Неве. Форсированным маршем они могли преодолеть его за 2 дня [Кирпичников 1995, с. 28; 1996, с. 31]. Путь от Новгорода напрямую к устью Ижоры был действительно значительно короче, чем через Ладогу. Однако при таком направлении движения, в случае дальнейшего плавание шведского флота к Ладоге, войска Александра Невского оказались бы в стороне от основного района боевых действий. Упомянутая Водская (Ивангородская. – П. С.) дорога проходила через Тесово на северо-запад, в обход Южного Приневья и бассейна Ижоры. Поворот от нее на север к устью Невы и Ижоре мог существовать через Зарецкий погост, находившийся уже в восточной части Ижорского плато, на удалении около 130 км от Новгорода. Сведения о других путях, связывавших Ивангородскую дорогу с Приневьем, отсутствуют.

Вероятнее всего, новгородские войска двигались к месту битвы по дороге, которая проходила примерно в 40–50 км к западу от Волхова через верховья реки Назиы в юго-западное Приладожье. Далее она выходила в верхнее течение Невы, куда шведы могли прийти на своих судах от устья Ижоры за двое суток. Такой маршрут давал Александру возможность для маневра и изменения направления движения в случае продолжения наступления неприятеля на Ладогу. В XVI столетии упомянутая дорога под названием Ореховецкая становится ямским трактом, и ее маршрут подробно описан [Голубцов 1950, с. 295; Селин 2001, с. 90–91]. Тракт проходил от Новгорода через Лусский ям, расположенный в 25 верстах от города⁹, где он расходился с Ивангородской дорогой, не доходя до Тесова 25 верст, и поворачивал на север. Далее через Шапецкий ям (современный пос. Шапки в бассейне реки Мги) и Петровский погост дорога вела к Орешку, расстояние до которого от Новгорода составляло около 165 верст, и далее к Кореле.

Такая же дистанция была от Новгорода до Ладоги, но истоки Невы удалены от Ладоги еще на 70 верст [Голубцов 1950, с. 295–296; Селин 2008, с. 297–302]. Возможно, в это время уже существовала прямая дорога от Шапецкого яма, находившегося в 85 верстах от Нов-

⁹ верста – 1066 м.

города на северо-запад, зафиксированная на шведских картах XVII в. Она шла через Ярво-сольский погост (район Лезье. – П. С.) и выходила к устью реки Тосны (около 30 км). Далее по южному берегу Невы до ее устья было около 40 км, а до устья Ижоры – всего около 10 км.

Рис. 22. Различные версии движения русских войск к устью реки Ижоры: 1 – по Г.Н. Караеву; 2 – Ивангородская дорога; 3 – Ореховецкая и Корельская дорога; 4 – реконструируемая средневековая дорога по южному Приневью; 5 – вероятный маршрут движения русских войск

Но войскам Александра Невского не было необходимости двигаться к устью реки Тосны. В среднем течении Назиы путь от Новгорода к истоку Невы (позднее – Новгородско-Ореховецкий) пересекался дорогой, проходившей по краю глинта (Балтийско-Ладожского уступа) из Нижнего Поволжья к Ижорскому плато [Петренко 1982, с. 71–75]. Восточная часть этой дороги, ставшая в XVI в. участком ямского тракта от Ладоги до Орешка, наверняка существовала и ранее. Далее на запад она реконструируется по картам XVII в. и средневековым археологическим находкам. Здесь путь пересекал южные притоки Невы на их порожистых участках. Старая лесная дорога, не связывающая между собой крупных населенных пунктов, сохраняется до нашего времени в лесном массиве междуречья Мги и Тосны, где она проходит по песчаным возвышенностям и выходит к последней из названных рек в районе пос. Никольское. Возможно, это сохранившийся отрезок древнего пути, суще-

ствовавшего здесь со средневекового времени. По нему на соединение с Александром могли прийти ладожане и, возможно, ижора, на землях которой и происходили эти события. Реку Ижору дорога пересекала в ее мелководной части, у порогов, в 15 км от впадения ее в Неву (пос. Войсковоро – Ям-Ижора), где имелись броды. Отсюда русские войска в сопровождении местных проводников могли в течение 3–4 часов незаметно для неприятеля лесными тропами вдоль реки Ижоры выдвинуться к ее устью. Александр наверняка знал от местных жителей о расположении шведов, поэтому его отряды могли наступать по обоим берегам реки одновременно, чтобы блокировать неприятельские силы с двух сторон и прижать их к Неве (рис. 22).

Что из себя представляли земли в нижнем течении Ижоры в середине XIII в., из письменных документов неизвестно. Отсутствуют и археологические данные о существовании здесь поселений того времени. Наиболее ранние средневековые находки, свидетельствующие о постоянной оседлости на побережье Невы, известные сейчас, могут быть датированы XIV в. Фрагменты средневековой красноглиняной керамики – стенки сосудов, обнаруженные в погребенной почве при раскопках у храма в Усть-Ижоре, – датируются широко: средневековым временем. Ближайшие к этому месту находки – остатки ижорских захоронений XII–XIII вв. с женскими украшениями и оружием – обнаружили в среднем течении Ижоры, как раз в Войсковоро, в 15 км от Невы (Ижорский погост XV в.), где, вероятно, и находился один из современных Невской битве центров ижорского расселения в Приневье. Основная концентрация ижорских памятников той поры выявлена также по трассе упомянутой дороги в междуречье Мги и Тосны – на камовых возвышенностях, в западных окрестностях Шапок [Сорокин 2008]. Здесь также обнаружены захоронения XII–XIII вв. со значительным количеством предметов вооружения, включая мечи, наконечники копий, сулиц и стрел, боевые топоры (рис. 23).

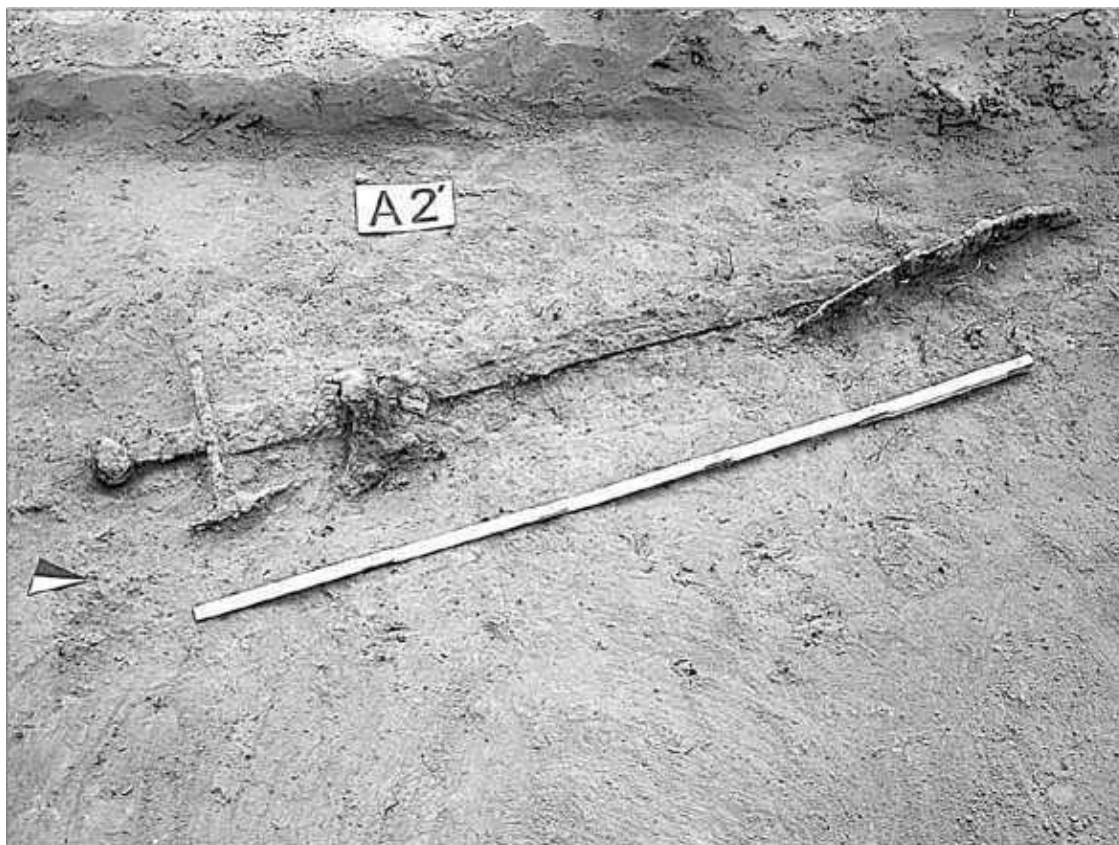

Рис. 23. Оружие ижорского воина в погребении. Фото автора

Нам неизвестны реальные сроки пребывания шведов в устье Ижоры. Можно предположить, что они появились здесь спустя 2–3 дня после того, как их заметила в Финском заливе морская стража Пелгусия. Расстояние от Новгорода до устья Ижоры по кратчайшему пути составляло около 130–140 км. Новгородским войскам, в состав которых, помимо конницы, вероятно, входила и пехота, требовалось несколько дней на сборы и не менее 3–4 дней на дорогу и встречу с ладожанами. Таким образом, к моменту прихода войск Александра шведы уже могли стоять здесь несколько суток.

План действий Александра, вероятно, основывался на оперативной ситуации, сложившейся к моменту прихода русских войск на Ижору. В.Т. Пашуто полагал, что большая часть шведских воинов оставалась на судах, так как здесь была временная остановка по пути на Ладогу, на берегу находились только знатные рыцари во главе с Биргером [Пашуто 1951, с. 86–87]. Открытые скандинавские суда того времени не имели палуб, а были прикрыты временными навесами-тентами. Они могли использоваться для ночлега, однако были не очень приспособлены для этого, поэтому при отсутствии особой необходимости ночевали на берегу. Следует учитывать также, что кратковременная остановка вряд ли требовала устройства укрепленного лагеря. Судя по всему, шведы не имели надежного боевого охранения и не были готовы к бою, что позволило русским войскам использовать фактор внезапности.

«И была сеча великая»

Битва началась в «шестом часу дни», то есть в 11 часов утра, видимо, с того, что русская конная дружина неожиданно обрушилась на шведский лагерь (рис. 24, 25, 28 (см. с. III вклейки)). Князь Александр сразился с Биргером и тяжело ранил его копьем «наложи (ему) печать на лице острым своим копьем». Одновременно пеший отряд налетел на стоявшие у берега со спущенными сходнями шнеки, отрезав их от лагеря. Шведы, оказавшись в замешательстве, отступали к судам, стоявшим у мыса. Конная рать, увлекшись преследованием, напала на корабли. Конники врывались на опущенные с кораблей сходни [Пашуто 1951, с. 87].

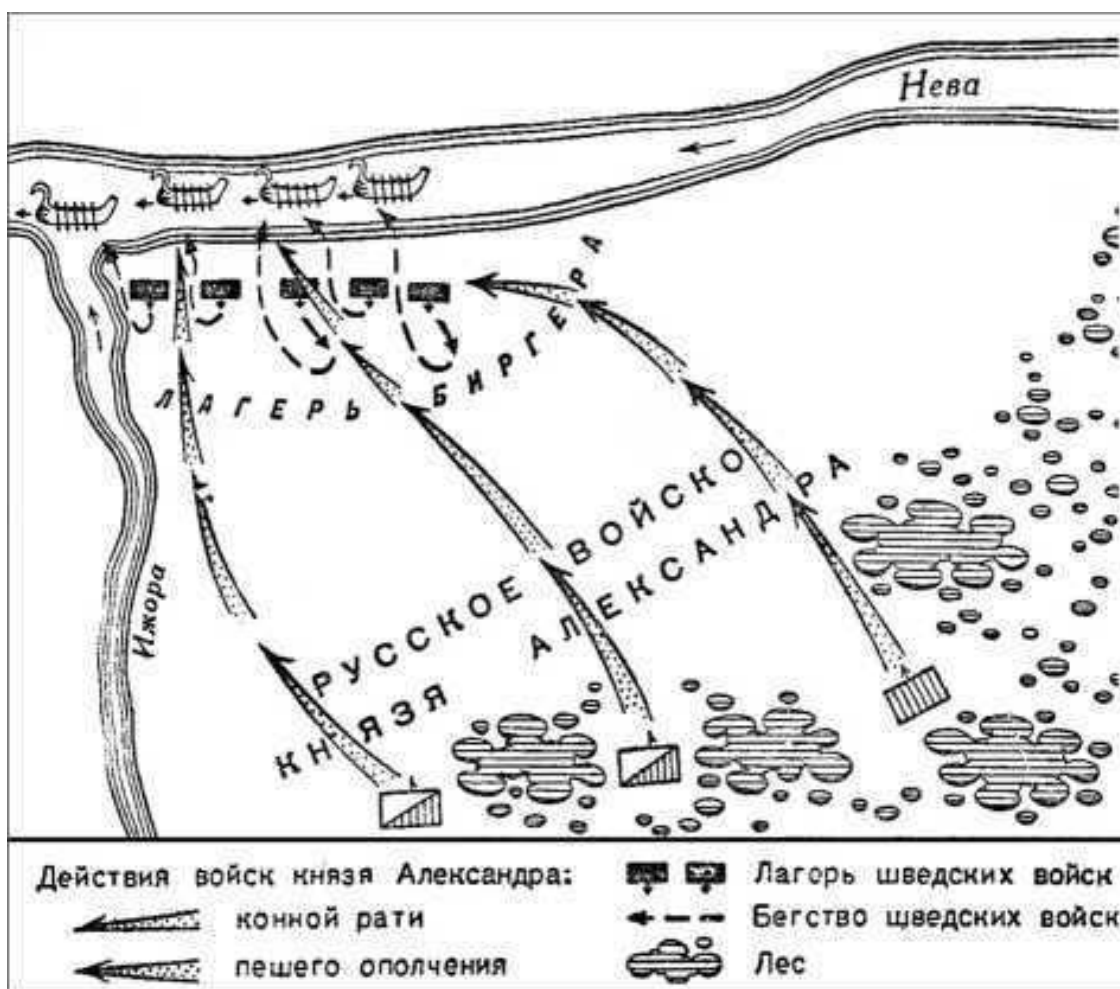

Рис. 24. План-реконструкция хода Невской битвы по В.Т. Пашуто

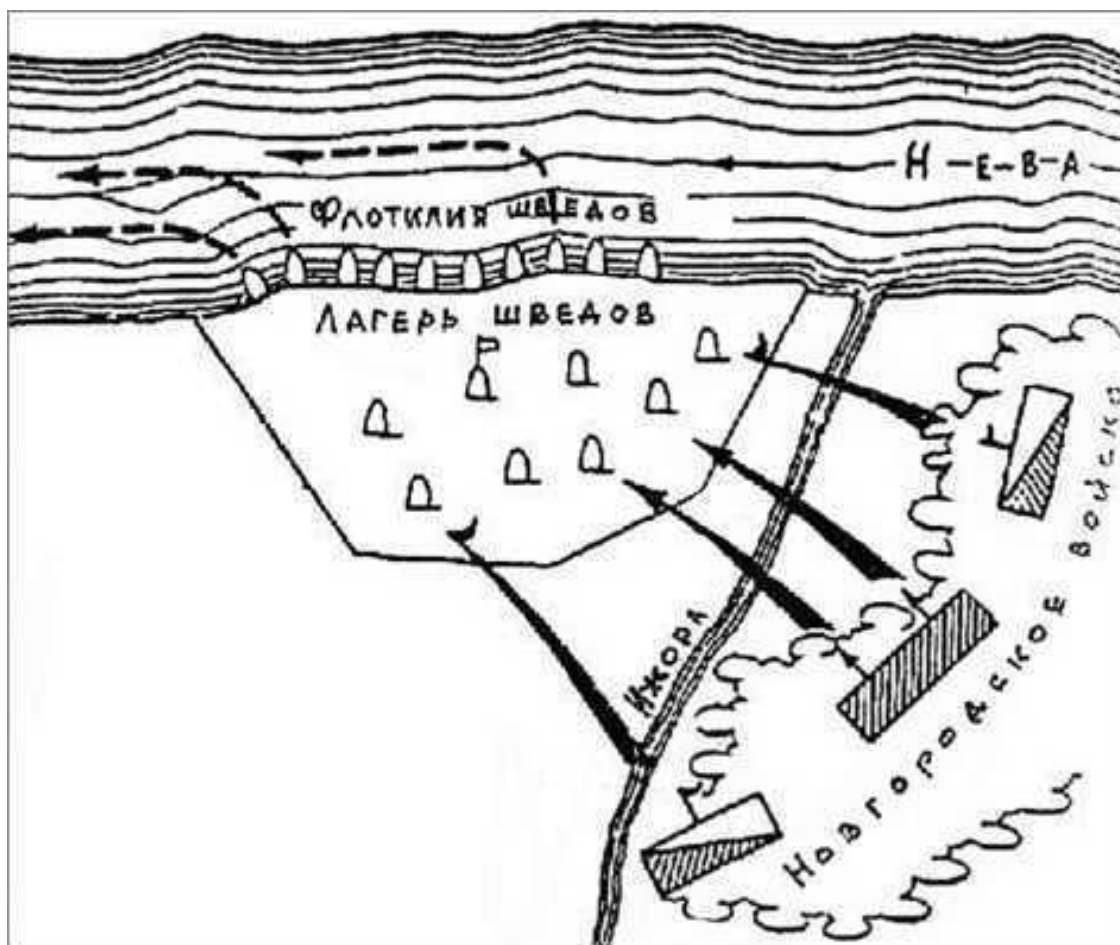

Рис. 26. План-реконструкции хода Невской битвы по изданию «Сто великих битв»

В результате атаки дружины под началом Миши, как сообщается в «Повести», три шведских корабля были затоплены. Однако затонуть полностью в Ижоре и у берега Невы они вообще не могли из-за незначительных глубин – на поверхности в любом случае остались бы видны мачты. Это могло произойти только в Неве, на удалении от берега. Но суда, пришвартованные у берега путем посадки носовой части на мель, с трех сторон окруженные водой, представляют собой хорошо защищенную позицию, на которой можно успешно обороняться. При необходимости, в условиях опасности, они могли легко отчалить от берега, для чего достаточно было обрубить швартовочные канаты. Поэтому сообщение «Повести» об успешной атаке новгородцев на суда и затоплении трех из них может свидетельствовать о внезапности нападения и незначительных силах, защищавших их.

Сходни, использовавшиеся на таких судах, обычно делались небольшой ширины, достаточной для спуска одного человека, и имели значительную крутизну. Однако при перевозке коней использовались более широкие и пологие сходни. Только в этом случае по ним можно было «въехать на коне», как об этом говорится в «Повести». Но даже при таких обстоятельствах въезд на само судно, у которого отсутствовала палуба, был невозможен. В соответствии со своим пониманием происходящего автор миниатюр Лицевого летописного свода изобразил Гаврилу Олексича в четырех последовательных действиях: на подходе к сходням, затем въезжающим на них, в воде, после того как он был сброшен туда противником, и наконец снова на берегу, выезжающим из реки [Житие 1990, с. 910] (рис. 29, см. с. IV вклейки).

Рис. 27. Атака новгородцами шведов. Миниатюра Лицевого летописного свода сер. XVI в.

По мнению А.Н. Кирпичникова, битва на Неве, как и другие сражения эпохи средневековья, проходила в соответствии с тактическими правилами того времени. Войска, разделен-

ные на отряды, построенные в эшелонированный боевой порядок, сходились и расходились волнообразно, сохраняя свой строй, способность к сближению, маневру и отходу [Кирпичников 1995, с. 27]. Это суждение поддержали и другие исследователи, считавшие, что битва проходила не как сплошное противоборство сражающихся воинских масс, а в форме столкновений, стычек, нападений отдельных отрядов [Шаскольский 1995, с. 21].

Согласно летописному сообщению, шведское войско понесло значительные потери: «множество много их паде.... а инии мнози язвьни быша...». Тем не менее, судя по описанию, шведы оставались на поле боя до поздней ночи: «...и в ту ночь не дождавшие света понедельника посрамлени отейдоша». Перед этим они захоронили павших воинов («ископавше яму, вметаши в ню без числа»), а знатных увезли с собой («накладше корабля два вятших мужь преже себе пустиши и к морю») (рис. 30, см. с. IV вклейки). В «Повести» говорится: «... а трупы погибших своих набросали в корабли и потопили в море». В Псковской III летописи уточняется: «Немец накладоша две ямы, а добрых (знатных. – П. С.) накладоша два корабля; а заоутра побегоша» [ПСРЛ 2000, т. 5, вып. 2, с. 80]. Новгородская летопись также сообщает, что среди убитых были «воевода их именем Спиридон, а инии говоряху, яко и пискупъ убиень бысть ту же». Правда, в этом сообщении видится некоторая путаница, так как новгородского владыку, благословившего Александра перед походом, звали также Спиридоном.

По мнению ряда исследователей, речь идет «о десятках, а не о сотнях погибших» со шведской стороны [Кирпичников 1995, с. 26]. Есть и более конкретные оценки потерь: «На два корабля, надо полагать, погрузили не более 40 тел и почти столько же пометали в яму» [Хрусталева 2009, с. 247]. Если первая из этих цифр, вероятно, определялась вместимостью судов, то не ясно, как рассчитана вторая. Ограничения в первом случае определялись неудобством для движения кораблей. Но на них в спешке могли погрузить и большее количество павших воинов, с учетом, что суда сплавлялись вниз по течению. Если же суда предполагалось использовать как погребальные, как об этом говорится в Житии, то число положенных в них погибших воинов могло сильно увеличиться. Что касается погребенных на месте, то их должно было быть значительно больше. Это определялось соотношением между знатными и рядовыми воинами в войске. Если доверять сообщениям источников об общем ходе битвы и потерях шведов, оно могло доходить до нескольких сотен. Но в таком случае странным представляется упоминаемое в них число павших новгородцев и ладожан – всего 20 человек. Возможно, значительная разница в потерях объясняется тем, что шведов удалось застигнуть врасплох и они не были готовы к сражению, а также участием в битве союзных Новгороду финских племен, чьи потери были не известны летописцу. При любых оценках упоминаемое число павших новгородцев было невелико.

Все эти обстоятельства указывают на то, что битва, начавшаяся утром, не могла продолжаться до сумерек непрерывно, иначе расстановка сил должна была бы измениться и число погибших с русской стороны оказалось бы значительно большим. Возможно, после первого успеха наступление новгородцев было остановлено или шведские войска, оставив лагерь, отступили на другие позиции. Возможно также, что Александр, добившись внезапностью нанесения значительного урона противнику и его деморализации и не желая нести дальнейшие потери, отвел свои войска на безопасное расстояние, блокировав силы неприятеля с суши. В конечном счете, цель была достигнута: из-за внезапности нападения шведы понесли значительный урон и утратили веру в успех своего предприятия.

Частью захоронив, а частью погрузив на суда тела погибших воинов, шведы под покровом темноты ушли в Балтику. На своих судах в такой широкой реке, как Нева, они были недосыгаемы для новгородцев, которые, судя по всему, пришли к устью Ижоры без ладейного флота. Оставались ли шведы все это время до ухода на месте своего лагеря и стоянки судов, или отошли по воде на более безопасную позицию, на другую сторону Ижоры, вниз

по течению или даже на правый берег Невы – источники не сообщают. Следует полагать, что место их последней стоянки, необязательно совпадающее с полем сражения, должно быть отмечено массовым захоронением погибших. Со временем, возможно, его удастся обнаружить.

Великая битва или рядовое столкновение?

Прямых упоминаний о численности русских и шведских войск, участвовавших в битве, в источниках не содержится. Однако, сам ход и результаты сражения свидетельствуют об их примерном равенстве. Исследователи называют различное количество участников битвы – от нескольких сотен [Кирпичников 1996, с. 31; Хрусталеv 2009, с. 245] до нескольких тысяч человек [Кучкин 1996: 15]. Масштабы битвы можно представить лишь приблизительно, по косвенным свидетельствам и по аналогии с другими военными столкновениями того времени [Сорокин 1993].

В шведских вторжениях 1164, 1240, 1300 гг., вероятно, участвовало ополчение, собиравшееся по системе ледунга, когда для общегосударственных походов от каждой административно-территориальной единицы выставлялось определенное количество воинов, а прибрежные территории снаряжали корабли. Максимальное число судов могло составлять около 280, но, как свидетельствуют описания хроник, одновременно удавалось собрать только четверть флота. Обычное количество судов, участвовавших в таких предприятиях – 55–60, а число людей достигало 2500 человек [Mauno 2002, p. 85]. По мнению Е. Хорнборга и И.П. Шаскольского вторжения на Северо-Запад Руси проходили на 30–50 судах, по 20–40 человек [Hornborg 1944, s. 218; Шаскольский 1987, с. 32]. Такое количество людей предполагает использование средних плавсредств с количеством пар весел до 10–20. Для определения численности войск, участвовавших в походах, важно понимать, на каких судах они совершались.

В летописи и «Повести» суда, на которых шведы пришли в Неву в 1240 г., были названы кораблями. Изучение Новгородских (I–V) и Псковских (I–III) летописей (до конца XV в.) показывает, что термин «корабль» упоминается в них 11 раз в период с 907 по 1475 г. В десяти ситуациях корабли используются в военных действиях и в одном случае – как пассажирское средство передвижения. Неоднократно в летописях корабль упоминается в одних и тех же сообщениях вместе с другими судами: лодья, насад, галea и каторга – и, таким образом, противопоставляется им. И только в единичном случае он отождествляется с другим типом судна – шнеком, когда в сообщении одни и те же суда называются попеременно то одним, то другим термином. Интересно, что в договорной грамоте Новгорода с Любеком и Готским берегом 1269 г. термину «корабль» в русском его варианте соответствуют названия *sogge* и *schere* в немецком, тогда как местные суда, использовавшиеся для обслуживания внутренних торговых поездок, традиционно называются в документах лодьями. В данном случае термин «корабль», означавший большое парусное морское судно, противопоставляется «лодье» – малому парусно-гребному судну, применявшемуся для плавания как по рекам, так и по морям.

Обращает на себя внимание тот факт, что в псковских и новгородских документах термин «корабль» употребляется в основном для обозначения иноземных судов – византийских, фряжских и турецких на Черном море, а также шведских и немецких на Балтийском и связанных с ним внутренних бассейнах Северо-Запада. Исключение составляют упоминаемые в Новгородской V летописи походы русских князей на Царьград в 907, 944 и 1041 гг. Единственное обозначение термином «корабль» судна, совершавшего исключительно речное плавание, также содержится в Новгородской V летописи, в сюжете, связанном с убийством князя Глеба под Смоленском. Вероятно, упоминание здесь рассматриваемого термина следует объяснять его эпическим характером [Сорокин 1997, с. 48–51, 127–128]. Само по себе упоминание в походе на Неву в 1240 г. кораблей можно расценивать как подтверждение значительных размеров шведских судов.

Согласно русским летописям, шнека была основным скандинавским судном того времени, использовавшимся в военных походах. Шнеки упоминаются в новгородских и псковских летописях с 1142 по 1480 г., причем именно на них совершались шведские походы в Финском заливе в 1142 г. и на Ладогу в 1164 г. В летописных сообщениях шнека в одном случае отождествляется с кораблем, в другом – противопоставляется ладье. Следовательно, в русской письменной традиции термин «шнека» представлял собой обобщенное название скандинавских парусно-гребных судов относительно больших размеров, использовавшихся для военно-морских походов в XII–XV вв. [Сорокин 1997, с. 55].

В «Саге об Олаве сыне Трюгви», описывающей события начала XI в., рассказывается о строительстве такого судна в Норвегии: «В ту самую осень Олав конунг велел построить на берегу реки Нид большой корабль. Это была шнека. Для его постройки потребовалось много мастеров. К началу зимы корабль был готов. Для его постройки потребовалось много мастеров. В нем было 30 скамей для гребцов. Он был высок, но не широк. Конунг назвал корабль Журавлем» [Стурлусон 1995, с. 142]. Как свидетельствуют документы и археологические находки, для этого времени еще нельзя говорить о строгой регламентации размеров типов судов. Поэтому определение точного количества людей, приплывших на одном судне, затруднительно.

Приведенное в «Саге об Олаве сыне Трюгви» описание относится к королевской шнеке, из чего следует, что это было одно из самых больших судов такого типа. Письменные источники не дают точного ответа на вопрос, какими были минимальные и максимальные значения их размеров. Что касается археологических данных, то находки скандинавских судов XII–XIV вв. очень редки. На их основании можно только предполагать, что существенных изменений по сравнению с предшествующей эпохой викингов они не претерпели. Значительно лучше известны военные суда викингов IX–XI вв. Среди них, помимо больших королевских кораблей с 30 и более парами весел, таких как Хедебю 1 (около 985 г.) и Скульделев 2 (1060 г.), вмещавших 62 и 80 человек, были и меньшие по размерам суда – Скульделев 5 (1050 г.), Ладбю (900–950 г.), Фотевик (1100 г.), которые вмещали 26, 35 и 16 человек соответственно (рис. 31) [Crumlin-Pedersen 1997, s. 201–202].

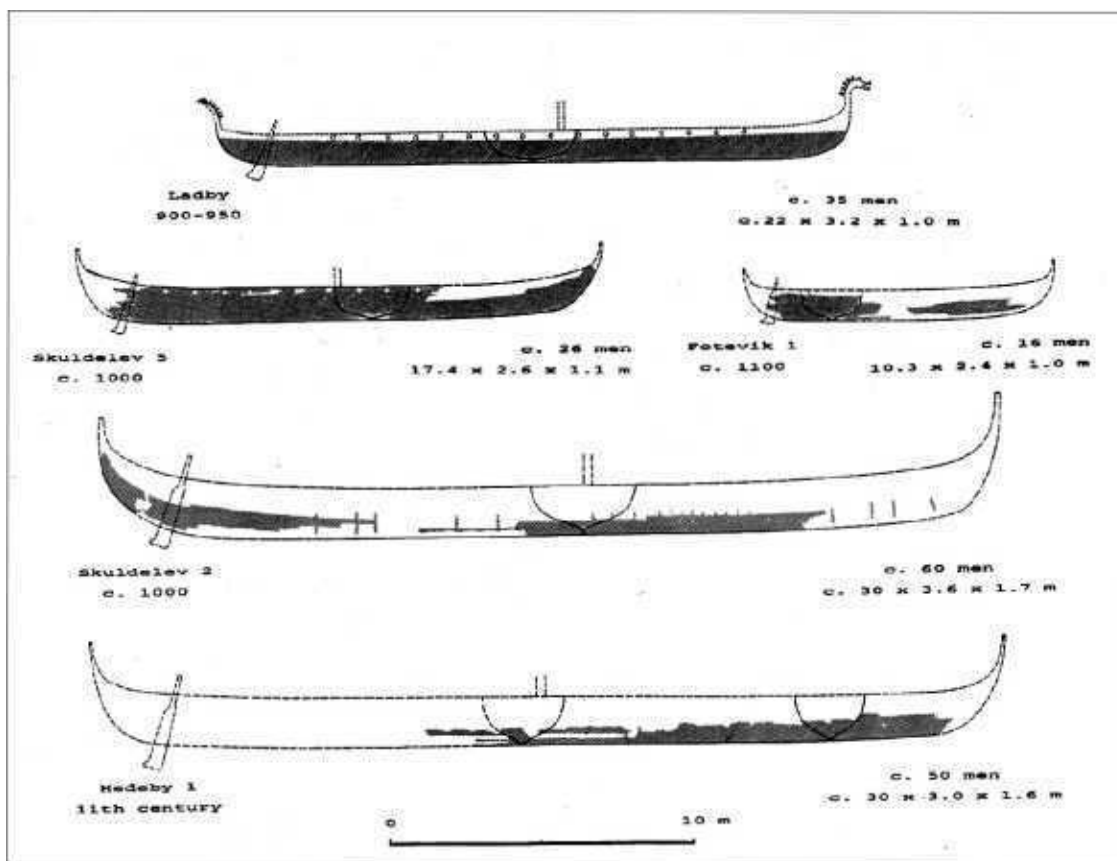

Рис. 31. Скандинавские средневековые военные суда (по О. Крумлину-Педерсену)

Экспериментальные плавания на репликах скандинавских судов эпохи викингов показывают, что Балтику могли успешно пересекать и небольшие суда длиной до 10 м, всего с 4–5 парами весел и, соответственно, с небольшим экипажем, но участие таких судов в боевых походах (по причине небольшой грузоподъемности) маловероятно. К тому же такие суда, вероятно, принадлежали к другой категории и носили иное название. Термином «шнека» в XII–XIII вв., вероятно, обозначалось парусно-гребное судно с 15–20, иногда с 30 скамьями для гребцов. Если исходить из среднего количества весел, при посадке 30–40 воинов на судно на 55 шнеках на Русь могло прийти от 1650 до 2200 человек. Следует учитывать, что для непрерывного плавания на веслах, экипаж судна должен был превышать количество используемых весел не менее чем в 1 полтора раза, чтобы обеспечивать частичную смену. Без этого нельзя обойтись в условиях шторма, движения против ветра и при подъеме вверх, против течения рек. Таким образом, количество войск, участвовавших в походе, могло быть еще большим.

При перевозке значительных грузов, а также лошадей, скорее всего, использовались грузовые суда – кнорры, имевшие большую ширину, высоту, вместимость и грузоподъемность, чем так называемые длинные суда, преимущественно военного назначения. Главную роль в их движении играл парус, весел было немного, и они имели вспомогательное значение. Применение их ограничивалось выполнением маневров: при подходе к берегу и отходе от него, поворотах и переволакивании по мелководью, а также для удержания курса в движении под парусом. Использование таких судов в составе флота могло существенно задерживать его движение в случае неблагоприятного ветра, а также при подъеме против течения рек.

Изображения шведских кораблей в Лицевом летописном своде отличаются схематичностью. Однако на разных миниатюрах они показаны по-разному. Наиболее распространены

рисунки гребных и одномачтовых судов с прямым парусом. На некоторых из них схематично показаны носовые и кормовые укрытия, на одном – два паруса с марселем, что несвойственно для скандинавских судов того времени. Особняком стоят парусные одномачтовые корабли с носовой и кормовой надстройками и транцевым рулем. Они напоминают ганзейские когги XV–XVI вв., но еще больше – средиземноморские корабли того времени. Транцевый руль известен на Балтике с конца XIII в., а кормовые надстройки такого типа – и того позже. Отсюда можно заключить, что автор миниатюры изображал современные ему суда, известные из книг. Следует отметить, что последний рисунок иллюстрирует три корабля, которые погубил Миша Новгородец. Возможно, таким образом автор выделяет большие грузовые суда, которые, с одной стороны, были менее поворотливы и имели небольшую команду, что делало их легкой добычей, но с другой – имели большую осадку и должны были стоять на удалении от берега, что затрудняло их захват без вспомогательных плавсредств.

Вероятно, в зависимости от целей, в шведских вторжениях на Русь в XII–XIV вв. могло принимать участие от нескольких сотен до 2–3 тысяч воинов. Сопоставимое количество войск могла в ускоренном порядке выставить и новгородская сторона. В случае же сбора их со всей Новгородской земли и привлечения великокняжеских сил, численность войск с русской стороны могла быть значительно увеличена.

Во вторжении 1300 г., подробно описанном в Хронике Эрика, упомянуто участие 1100 человек. В ней говорится, что это был наиболее масштабный поход – «никогда на Неве не было такого количества кораблей, как тогда» [Шаскольский 1987]. Из расчета около 40 человек на одно судно, их общее число могло достигать 25–30. В походе 1164 г. на Ладогу, когда, по сообщению летописца, шведы пришли на 55 шнеках, их численность, подсчитанная аналогичным образом, могла составлять около 2200 человек.

Вероятно, количество войск, принимавших участие в Невской битве, сопоставимо с их численностью в походах 1164 и 1300 гг., и больше по сравнению с упоминаемым летописцами во время других вторжений шведов и финского племени емь на северо-запад Новгородской земли. Так, во время набега еми на Приладожье в 1142 г. ладожане уничтожили 400 человек неприятеля, в другом нападении – в 1149 г. – участвовала тысяча человек, а во вторжении шведов в 1292 г. – 800 воинов [ПСРЛ 2000, т. 3, с. 212, 215, 327]. Но эти походы не нашли такого резонанса в летописях, как Невская битва, так как считались достаточно рядовыми явлениями. Следовательно, можно предполагать, что и в Невской битве с каждой из сторон могло участвовать по 1,5–2 тысячи воинов.

Спорным во многом остается и вопрос об участниках Невской битвы. В источниках имеются некоторые разночтения на сей счет. Участие в походе норвежцев и еми было поставлено под сомнение в связи с ситуацией, сложившейся перед рассматриваемыми событиями: в Норвегии шла междоусобная война [Линд 1995, с. 47–48], а емь находилась в состоянии войны со Швецией [Шаскольский 1995, с. 18]. Но данные заключения не могут быть приняты бесспорно, так как взаимоотношения Швеции с Норвегией и емью менялись в зависимости от реальной расстановки сил. Поэтому нельзя исключать, что в момент похода могли сложиться условия для их выступления против Новгорода.

Примечательно, что летописи не упоминают среди участников битвы и отдельные отряды с русской стороны, кроме ладожан, которые обычно составляли новгородское войско во время общегосударственных походов. Отсутствие псковичей оправдано, так как Пскову угрожала опасность со стороны Ордена. Но здесь не названа ижора, на чьей территории разворачивались события, а также ее соседи – корела и водь, оказавшиеся в тылу неприятеля. Возможно, что на их сбор не было времени, хотя нельзя исключать и того, что шведы могли предпринять какие-то превентивные меры, нейтрализовавшие союзников Новгорода.

Рис. 32. Памятник ярлу Биргеру в Стокгольме. Скульптор Б. Фогельсберг

Немаловажную роль для определения масштабов похода играет и вопрос о предводителе шведских войск. Если в ранних летописных сообщениях это просто «князь», то в Повести – король. Только в позднем литературном произведении «Завещание короля Магнуша», в списках Новгородской IV летописи, датируемых серединой XV в., предводителем шведов называется Биргер¹⁰. Обычно руководство войсками Шведского королевства во внешних и внутренних войнах являлось прерогативой короля или ярла (последний соответствует по рангу князю). Но из шведских источников известно, что Биргер становится ярлом только около 1248 г. (рис. 32, 33).

¹⁰ Биргер Магнуссон ярл (Birger Jarl; ум. 1266) – ярл Швеции с 1248 г., регент в 1250–1266 гг., основатель новой династии шведских королей и города Стокгольма.

Рис. 33. Символическая гробница Биргера у здания Стокгольмской ратуши

До этого ярлом и правителем шведского королевства был его двоюродный брат Ульф Фасси, который по своему статусу и должен был возглавлять поход 1240 г. [Шаскольский 1978, с. 177–178]. Однако некоторые скандинавские историки не исключают возможности участия в Невской битве и Биргера, занимавшего тогда важное место в шведской иерархии и выполнявшего королевские поручения [Линд 1995, с. 51–54]. Проведенное в 2002 г., антропологическое обследование останков Биргера выявило на его правой глазнице следы прижизненных повреждений, оставшихся, возможно, от удара оружием [Harrison 2010]. Это обстоятельство может служить косвенным подтверждением его участия в походе на Неву, а также сообщения о поединке с Александром Невским. Следует отметить, что Биргер мог участвовать в походе как вместе с Ульфом Фасси, не будучи его руководителем, так и без него, если этому мероприятию действительно не придавалось общегосударственного значения, как полагают некоторые историки. В этом случае руководить им могли и военачальники более низкого ранга, чем ярл. Ранее высказывалось мнение, что вторжение на Неву было организовано не непосредственно из Швеции, а из соседней Финляндии, где находились в то время шведские завоевательные войска [Нордлинг 1977]. Поэтому вопрос об участии в Невском походе Биргера по-прежнему остается открытым.

Поле Невской битвы

При изучении Невской битвы одним из наиболее важных является вопрос о месте, где она происходила (рис. 34). Письменные источники содержат лишь общие сведения, сообщая о стоянке шведских войск: «В Неве Устье Ижоры», «приде в рику Неву и ста Усть Ижеры...» [ПСРЛ 2000, т. III, с. 77, 291]. Учитывая, что это первое летописное упоминание конкретного пункта на реке Неве и летописец знал о нем только понаслышке, оно может быть ориентировочным. Точное место стоянки шведов могло находиться на некотором удалении от места впадения Ижоры в Неву и даже напротив него; и выбор его мог определяться какими-то ландшафтными или гидрографическими условиями; с учетом того, что устье Ижоры все же было ближайшим географическим ориентиром.

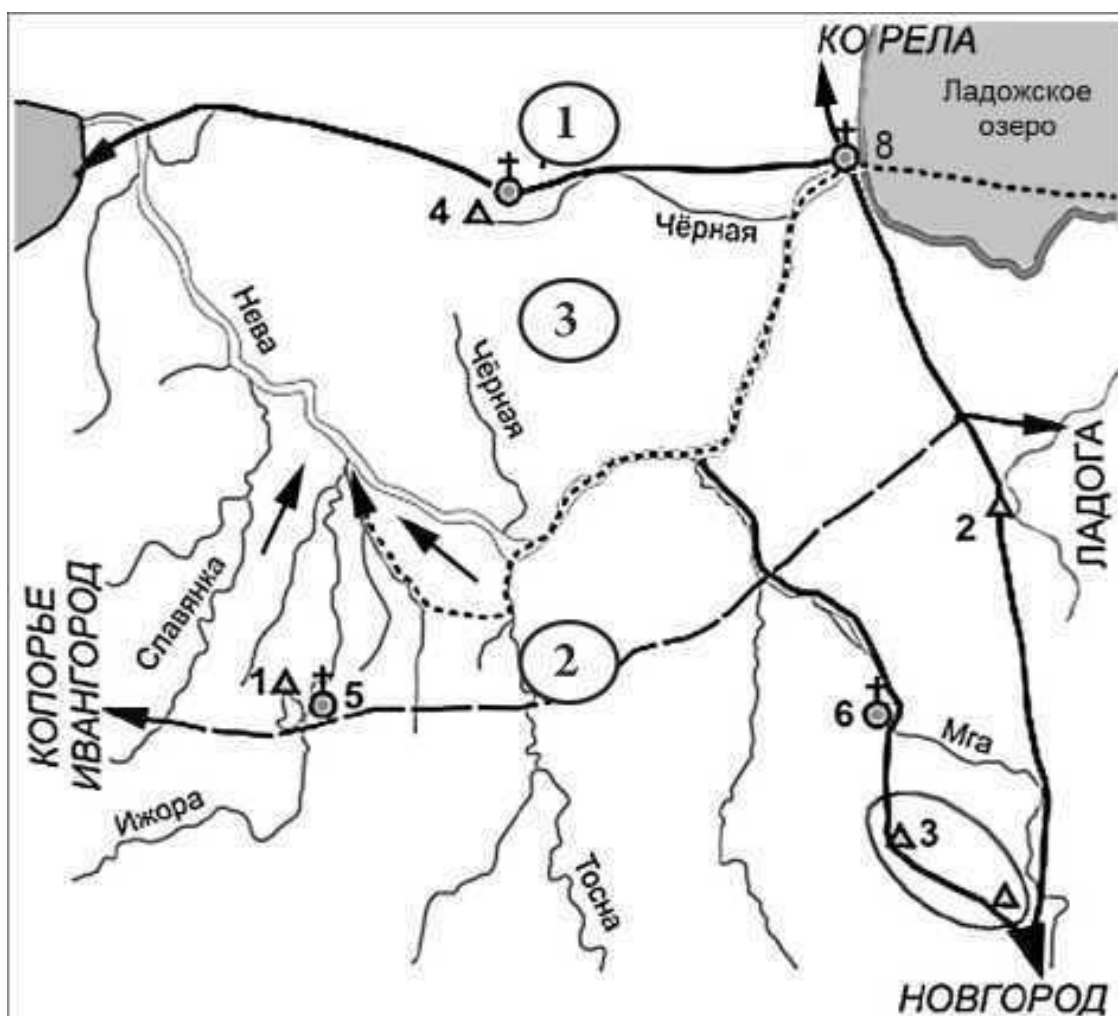

Рис. 34. Средневековые археологические объекты, центры позднесредневековых погов и исторические дороги в Приневье.

1 – дороги по документам XVI–XVII вв.;

2 – реконструируемая средневековая дорога по южному Приневью;

– ижорские памятники XII–XIII вв.: 1 – Инкере-Войскорово,

2 – Мишкино; 3 – район среднего течения р. Мги; 4 – Колтуши;

- центры погостов 1500 г.:
5 – Ижерский, 6 – Ярвосольский, 7 – Келтушский,
8 – Спасо-Городенский (Орешек);

— вероятные направления наступления русских войск от среднего течения реки Ижоры;

- 3 – направление движения русских войск по Г.Н. Караеву

Стоянка в устье реки имела определенные преимущества для устройства лагеря: защиту природными рубежами, обеспечение контроля за обоими берегами, а также наличие гавани, удобной для стоянки судов. Кроме того, на судах можно было легко подняться вверх по течению Ижоры до обжитых районов для пополнения продовольствия. Поэтому следует рассматривать устоявшуюся локализацию места битвы как наиболее вероятную.

Традиционно считалось, что шведский лагерь располагался на мысу правого берега Ижоры при ее впадении в Неву, вдоль побережья которой стояли шведские суда. Русские войска атаковали позиции противника с юга, со стороны реки Большая Ижорка [Пашуто 1951, с. 87–88]. Существовала версия и с размещением части шведских сил на правом берегу Невы, напротив устья Ижоры, связанная, вероятно, со своеобразной интерпретацией Повести о помощи ангела русским войскам. Впоследствии появилось и предположение о стоянке шведских судов не в Неве, а в устье реки Ижоры [Караев 1960, с. 179; Караев, Потресов 1970, с. 127; Хрусталева 2009, с. 244]. Когда на левом высоком берегу Ижоры, в 300 м от устья, установили обелиск в память о Невской битве, предполагалось, что он поставлен на том месте, куда бежали шведы, преследуемые русскими войсками [Караев 1960, с. 179].

Во время празднования 750-летнего юбилея битвы появилась иная точка зрения о месте расположения шведского лагеря и поля сражения. И.П. Шаскольский высказал мнение, что битва происходила на левом берегу Ижоры, так как он более подходил для места ристалища [Шаскольский 1995, с. 61–68]. Того же мнения придерживался А.Я. Дегтярев, полагая, что расположение лагеря шведов на левом, западном, берегу Ижоры, служившей оборонительным рубежом, предохраняло его от внезапного нападения новгородцев, которые могли двигаться с востока [Дегтярев 1995, с. 78–82]. Карта Невской битвы, основанная на этих выводах, приводится в научно-популярных изданиях последующих лет [Сто великих битв 2002, с. 120]. На ней шведский лагерь располагается в низине на месте современного прицерковного кладбища, а корабли стоят рядом, у берега Невы. Новгородцы нападают на них с правого берега Ижоры, форсируя ее в этом же месте (рис. 26). Можно согласиться, что при таком развитии событий позиция шведов на западном берегу была бы значительно более выгодной.

Но если рассматривать выбор места для стоянки и устройства лагеря с точки зрения безопасности, то наиболее защищенным для шведов был правый берег Невы, переправа через которую значительных сил противника проходила бы долго и наверняка не осталась бы незамеченной. Шведы могли бы противодействовать ей, используя преимущества своего большого флота. Но они, вероятно, настолько были уверены в своих силах или не ожидали скорого прихода новгородцев, что пренебрегли этой возможностью. Поэтому и при выборе одного из берегов Ижоры вряд ли решающим был вопрос защиты со стороны наиболее вероятного приближения противника. Учитывая, что сильно заболоченные, покрытые непроходимыми лесами берега Невы тогда еще не были заселены, то и хорошие дороги здесь наверняка отсутствовали. Поэтому вопрос о подходах к месту стоянки шведов не решался столь однозначно.

Дорога, связывавшая территории Южного Приладожья и Ижорского плато, прослеживаемая по археологическим и более поздним историческим данным, как уже отмечалось выше, проходила в средневековье в 10–15 км от южного берега Невы по краю Балтийско-Ладожского уступа – глинта, где на ее притоках имелись броды. Основными же путями сообщения в долине Невы являлись, в основном, реки, лесные дороги и тропы, по которым можно было выйти на ее побережье. При проходе войск вдоль ее южного берега пришлось бы форсировать все многочисленные притоки реки в их самых широких и глубоких местах. Из документов первой трети XVIII в., когда эта территория была уже достаточно хорошо обжита, видно, что и в то время на многих притоках отсутствовали мосты. Поэтому наступление новгородцев и их союзников можно было ожидать не только с востока, но скорее с юга и даже с запада и севера, если учитывать возможность участия в военных действиях ижоры, води и корелы.

Выбор одного из двух берегов для устройства шведского лагеря во многом зависел от целей стоянки. В случае кратковременной остановки в ходе набега на новгородские земли это не имело бы для шведов большого значения. Однако не следует забывать, что они остановились здесь надолго. И наверняка не искали места для битвы, так как, судя по всему ее ходу, не были подготовлены к ней и именно это стало главной причиной их поражения. Но при любых обстоятельствах они должны были искать хорошо защищенную природными рубежами позицию для устройства лагеря с непосредственным выходом к реке и месту стоянки флота. Особенно если здесь планировалось строительство долговременных укреплений.

Местность в нижнем течении реки Ижоры пересеченная. Здесь в нее впадают два притока: правый – Большая Ижорка (на удалении 680 м) и левый – Попова Ижорка (в 1,5 км) от ее устья. Реки, многочисленные ложбины и ручьи делали покрытую лесом и местами заболоченную местность труднопроходимой. Правый берег Ижоры в ее низовье был более возвышенным, левый, с широкой поймой, – низменным (рис. 35). Если обратиться к картографическим материалам XVIII в., впервые фиксирующим дороги в этом районе, одна из них проходила от бывшего Ижорского погоста до устья по правому берегу реки. Вторая, шедшая по левому берегу, заканчивалась в районе Колпине. Эта сторона Ижоры в ее нижнем течении была всегда менее освоенной.

Рис. 35. Вид берегов Ижоры у устья. Фото автора

Правый берег реки у ее устья, с высотами до 10 м, был достаточно пологий к Неве и более крутой, понижающийся на расстоянии около 30 м, к Ижоре. Учитывая, что урез воды в реках здесь составляет около 1,4 м Б. С.¹¹, поверхность мыса возвышается над ними на 8–8,5 м. Мысовая часть пересекалась двумя оврагами и ручьями, закрывавшими ее с напольной стороны. Первый большой овраг, шириной 30–40 м, по которому протекал ручей, выходил к Неве в 320 м выше впадения Ижоры. Он вдавался в береговой массив на 150 м в южном и юго-восточном направлениях. Еще один овраг, шириной около 50–60 м, с ручьем, выходил к берегу Ижоры в 360 м от ее устья. Далее он продолжался около 280 метров к юго-востоку. Два этих оврага ограждали мысовую территорию с южной и восточной сторон. Между ними, с юго-восточной стороны, в 400 м от оконечности мыса был перешеек шириной около 60 м, соединявший его с окружавшей территорией.

¹¹ Б. С. – Балтийская система высот.

Рис. 36. Мыс при впадении Большой Ижорки в Ижору. Фото автора

Выше по течению Ижоры, в 640 м от устья, справа в нее впадала река Большая Ижорка с пологим правым и более крутым левым берегами. Ширина реки достигала здесь 30 м, а у устья – около 40 м. На мысу левого берега, защищенного двумя реками и возвышавшегося над водой на 8–9 м, была удобная площадка, к тому же огражденная с юга оврагом шириной около 40 м с протекавшим по нему к Ижоре ручьем. Этот овраг располагался параллельно Большой Ижорке – в 200 м от нее, отделяя полосу возвышенного берега, удобную для размещения укреплений (рис. 36).

Рис. 37. Ложбина на левобережье Ижоры. Фото автора

Левый берег также пересекался оврагами и ручьями. Большая ложбина с протекавшим по ней ручьем протянулась более чем на 1 км вдоль Невы. Она примыкала к Ижоре в 680 м от ее устья, почти напротив впадения Большой Ижорки. Ширина ее составляла 40–50 м, а в устьевой части – около 60 м. Эта ложбина почти на всем своем протяжении сохранилась до настоящего времени (рис. 37). Высокий – коренной – берег отстоял от Ижоры примерно на 100 м, затем поднимаясь до отметок 10–11 м. Прибрежная, пониженная пойма с отметками 3–4 м затоплялась в периоды подъема воды. Следует отметить, что наводнения, частые у устья Невы, не доходят до этих мест. Затопление поймы здесь происходит только во время заторов льда в реке в зимнее время, а также в весеннее половодье. Единственный возвышенный и защищенный с трех сторон холм, в настоящее время занятый кладбищем, находился южнее этой ложбины, выше по течению реки. Пространство к северу от нее до устья также было возвышенное, но открытое со всех направлений, кроме северного (со стороны Невы) и восточного (со стороны Ижоры). Небольшой ручей, впадавший в Ижору в 140 м от ее устья, названный на плане начала XX в. Грязной протокой, протекал вдоль края коренного берега Невы и имел разветвленную систему, в результате чего территория мыса была частично заболочена. Береговой склон с ручьем и топкой местностью был неудобен для устройства лагеря. Как И.П. Шаскольский, так и А.Я. Дегтярев согласились с точкой зрения Г.А. Караева и А.С. Потресова, что русские войска двигались к месту битвы по реке Большая Ижорка и выходили соответственно на правый берег Ижоры, служившей оборонительным рубежом, у ее устья [Шаскольский 1995, с. 61–68; Дегтярев 1995, с. 78–82]. При расположении неприятельского лагеря на другой стороне новгородскому войску нужно было на виду у шведов форсировать Ижору, что не позволяло использовать фактор внезапности при нападении. Такая переправа привела бы к значительным потерям новгородцев, если вообще была возможна без достаточного количества плавсредств.

Карты XVIII–XIX вв. сохранили более подробную информацию об историческом ландшафте этой территории. Одна из наиболее подробных карт, на которой показаны овраги и ручьи, датируется 1844 г. Часть из них имеется и на планах середины XVIII в., однако, вне всякого сомнения, они существовали здесь и ранее, возможно, и во времена Невской битвы. Наиболее защищенными природными рубежами были два мыса на правом берегу Ижоры. Первый, прикрытый двумя оврагами, – непосредственно у устья, при впадении ее в Неву; второй – в 700 м, при впадении в нее Большой Ижорки. Причем последний был надежнее защищен реками и оврагом и имел более компактную территорию, удобную для устройства укреплений.

Рис. 38. Возвышенность на левом берегу Ижоры. Фото автора

Левый берег был более открытым, и ближайшим к устью реки местом, окруженным естественными преградами, являлось всхолмление, расположенное в 800 м от него¹² (рис. 38). Следует учитывать, что в случае выбора для устройства лагеря одного из двух последних мест, достаточно удаленных от Невы, пришлось бы вводить флот в узкую Ижору, ширина которой в устье составляет 60 м, а выше – около 50 м. Какие-либо сведения об изменении уровня воды в Неве и ее притоках, а, следовательно, и о ширине этих рек, с эпохи средневековья до настоящего времени отсутствуют. Но, судя по наблюдениям при археологических исследованиях на побережье Невы и стабильности уровня воды в ней за четыре последних столетия, вероятно, он существенно не менялся и в предшествующие 400 лет. Расположение в Ижоре значительного количества больших судов, длина которых могла достигать 20–30 м, было опасно в случае нападения противника. Стоя у берега поперек течения реки, они более чем наполовину перекрывали бы ее и были лишены возможности маневрировать. Атака нов-

¹² В настоящее время его занимает кладбище.

городцами в 1164 г. в устье реки Воронеги шведского флота, находившегося в подобном положении, привела к почти полной его гибели. С другой стороны, суда было небезопасно оставлять и на значительном удалении от лагеря. При таких условиях наилучшим вариантом стоянки флота была Нева, где флот обладал возможностью маневра, а также находился под защитой лагеря. Прибрежные заводи по обе стороны от устья Ижоры, где отсутствует быстрое течение, были удобны для стоянки судов (рис. 39).

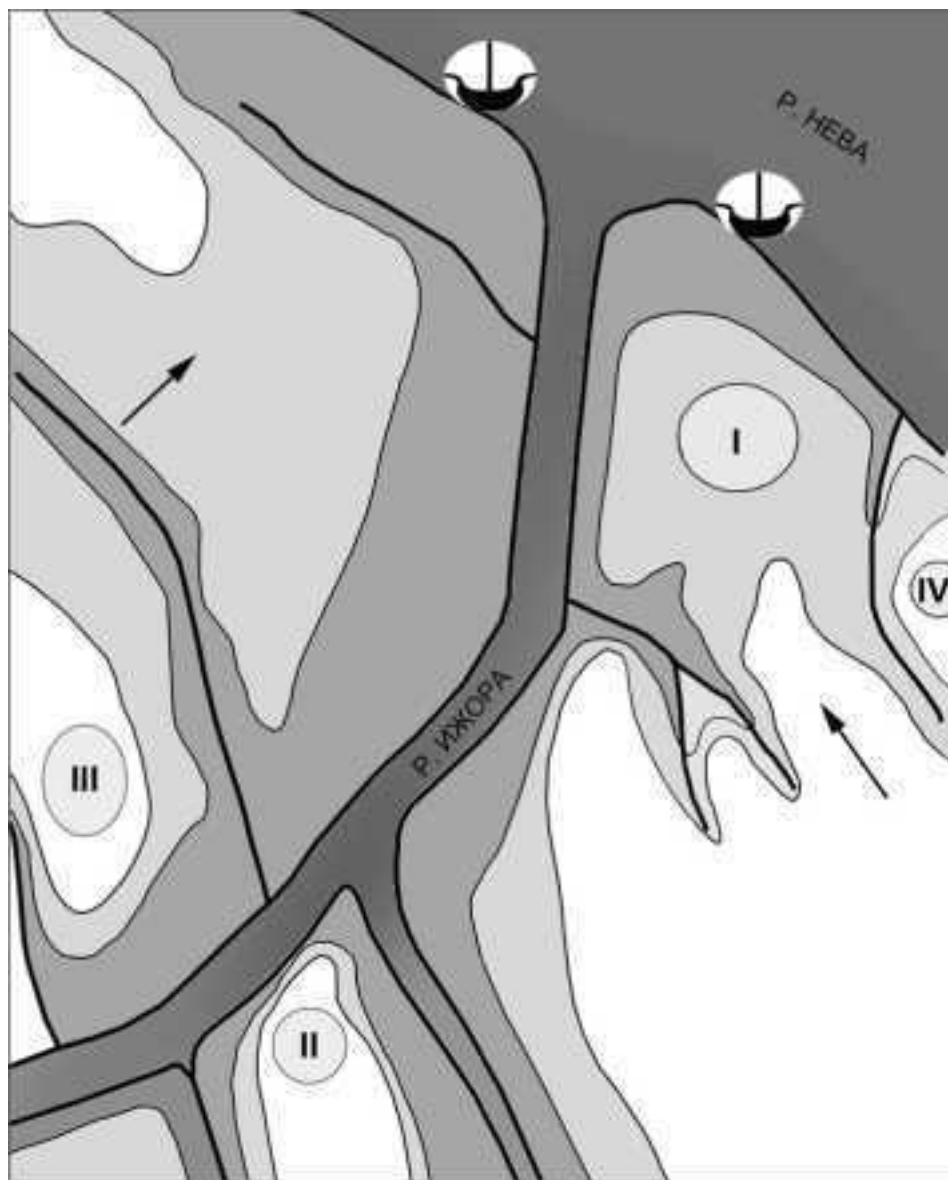

Рис. 39. Ландшафтные особенности «Поля Невской битвы»:

I

— возвышенности, защищенные природными рубежами;

II

— места, удобные для стоянки флота;

III

— вероятные направления наступления русских войск

Наиболее подходящим местом для устройства лагеря вблизи Невы с оборонительной точки зрения был возвышенный участок правого берега Ижоры, где в петровское время соорудили земляную фортецию. Дальние подходы к участку были прикрыты, помимо Невы, Ижоры и большой Ижорки, двумя оврагами, почти полностью отгораживавшими мысовое пространство размерами 320х360 м. По-видимому, здесь и мог располагаться в 1240 г. лагерь шведских войск. В целом это положение соответствует традиционному представлению о ходе битвы. Но если лагерь находился не в прибрежной пойме, а на краю высокого коренного берега, то битва начиналась именно отсюда.

Рис. 40. Помощь небесных сил русскому воинству на другом берегу Ижоры. Миниатюра Лицевого летописного свода сер. XVI в.

Учитывая незначительную ширину Ижоры, почти перекрываемую установленными поперек русла реки судами, проблемы сообщения между двумя берегами для шведов не было. За сюжетом церковно-литературного характера из «Повести» о чудесной помощи, оказанной русским войскам на другом берегу Ижоры, где «не проходили полки великого

князя Александра», было найдено «множество врагов, перебитых ангелом Божиим», некоторые исследователи увидели действия против шведов союзного новгородцам ижорского отряда [Гадзяцкий 1940, с. 134] (рис. 40). Эта история, призванная подчеркнуть божественное покровительство русским войскам, по аналогии с известным библейским сюжетом, вполне может быть простым литературным вымыслом, композиционно дополняющим насыщенную подобными отступлениями начальную часть «Повести». Однако нельзя исключать, что в этом сюжете содержится и реальная информация о битве. Здесь снова упоминается река Ижора, причем другой ее берег по отношению к тому, на котором разворачиваются главные события. Основываясь на этой информации, можно предположить, что битва проходила на обоих берегах реки.

В поисках следов сражения

Натурное обследование поля Невской битвы начал военный историк Г.Н. Караев¹³, осмотревший в конце 1950-х гг. устье реки Ижоры. По воспоминаниям местных жителей, он руководил здесь работами военных водолазов. Поднятые из Ижоры предметы, среди них остатки старой лодки, были переданы в местный школьный музей, материалы которого не сохранились. Генерал Караев зафиксировал информацию о случайных находках, которые могли иметь отношение к Невской битве. По его описанию наиболее интересная из них – кольчуга, найденная, по рассказам очевидцев, в Неве. Какое-то время она использовалась в качестве металлического коврика для ног на местной овощной базе, где работала нашедшая ее женщина. Впоследствии находку передали в Эрмитаж, где она была помещена в экспозицию [Караев, Потресов 197, с. 16–17]¹⁴.

Поля битв, изучаемые военными историками и археологами, представляют собой специфические объекты исследования. Следует признать, что археологам редко удается обнаружить какие-то вещественные свидетельства сражений. Так было на Куликовом поле, на месте Грюнвальдской битвы и во многих других случаях. Оставшиеся на поле брани победители обычно собирали в качестве трофеев все ценное из вооружения и снаряжения, а также хоронили погибших воинов. В том случае, если по каким-то причинам павших не захоронивали, они становились добычей диких зверей и птиц, а костные останки быстро истлевали на поверхности. Местное население собирало затерявшиеся «трофеи» на протяжении многих последующих лет.

В 1960-х гг. Г.Н. Караев организовал масштабную поисковую экспедицию по обнаружению места Ледового побоища на Чудском озере. В ней участвовали и археологи, включая известных ученых – П.А. Раппопорта и В.Д. Белецкого. В рамках экспедиции были открыты и изучены археологические памятники на берегу Псковско-Чудского озера, а также организованы первые в нашей стране масштабные подводные археологические исследования [Ледовое побоище 1966]. Однако, несмотря на утверждение Г.Н. Караева об установлении точного места Ледового побоища, следует признать, что никаких реальных свидетельств битвы не обнаружено. Предполагаемое ее место было определено на основании комплексных историко-географических, гидрографических и ландшафтных исследований и по-прежнему остается одним из вариантов его локализации.

Место захоронения погибших воинов на Куликовом поле, несмотря на многолетние поиски, до сих пор не обнаружено. Некоторые из найденных здесь немногочисленных предметов вооружения, вероятно, могут относиться к битве 1380 г., но могут быть связаны и с другими событиями. Поиск осложняется огромной площадью места предполагаемого ристалища (свыше 500 га) [Шеков 2002, с. 49–52].

На поле Грюнвальдского сражения 1410 г., несмотря на многолетние поиски польских археологов, продолжающиеся с 1958 г., было найдено лишь 28 фрагментов вооружения, в основном арбалетные болты, наконечники стрел и фрагменты холодного оружия и снаряжения. Недалеко от часовни, возведенной вскоре после битвы на месте лагеря крестоносцев,

¹³ Караев Г.Н. – генерал-майор, осетин по национальности, до революции служил в охране императорских резиденций, участвовал в Первой мировой войне. После ранения был демобилизован, а потом вступил в Красную армию. Участвовал также в Великой Отечественной войне. В 1950-1960-х гг. возглавлял военно-историческую секцию Ленинградского дома ученых.

¹⁴ В конце 1980-х гг. старожилы ничего не могли сказать об этой находке, более того, они опровергали существование в поселке овощной базы, о которой шла речь в публикации. Поиски этой кольчуги в коллекциях Эрмитажа не увенчались успехом. Однако удалось выяснить, что в это время сюда была передана хорошо сохранившаяся средневековая кольчуга из Старой Деревни (северо-запад Санкт-Петербурга). Возможно, Г.Н. Караев записал отголоски этой информации.

нашли останки около 300 павших воинов. Но место захоронения нескольких тысяч погибших по-прежнему остается найденным [Archeolodzy].

Но есть и исключения. Среди них можно назвать бой между польскими и чешскими войсками в XI в. на острове Ледницком в Польше, когда столкновение проходило на мосту и много воинов утонуло. При проведении подводных раскопок на дне были найдены их останки. Еще одна битва, оставившая следы, произошла между готландцами и датчанами под стенами г. Висбю на острове Готланд в 1361 г. На месте, где она происходила, неподалеку от городских стен, было обнаружено пять массовых захоронений погибших готландских воинов, часть из которых была в полном военном облачении, включая дорогие пластинчатые доспехи и кольчуги. Этот случай считается необычным, и исследователи до сих пор не могут дать ему исчерпывающего объяснения [Thordeman 1940]. Предметы вооружения (наконечники копья, сулицы, стрел, арбалетные болты, включая наконечники от крепостных арбалетов) были найдены во время раскопок рвов шведской крепости Ландскрона на Охтинском мысу. Они сохранились в сгоревших конструкциях крепостных сооружений, сползших в ров при разрушении Ландскрона в 1301 г. [Сорокин и соавт. 2014, с. 103–113].

В случае с Невской битвой было известно о захоронении шведов после ее окончания, а также о том, что в ее ходе были затоплены шведские суда, от которых могли сохраниться какие-то остатки. Учитывая, что столкновение происходило в условиях лесистой местности на берегах рек, можно было бы ожидать здесь и находок предметов вооружения, которые могли затеряться в воде или в высокой траве. Поиск захоронений, остатков судов и предметов вооружения, которые могли бы стать признаками поля битвы, был одной из целей археологических изысканий, проводившихся здесь в 1988–1991 гг.¹⁵ (рис. 41). Помимо разведочных раскопок, были предприняты попытки поиска сооружений и предметов с помощью специальной геофизической аппаратуры и проведены подводные археологические работы. Однако уже при предварительном знакомстве с предполагаемым местом битвы стало ясно, что шансы обнаружения археологических свидетельств, связанных с ней, крайне невелики. В отличие от многих других полей битв, эта территория на протяжении столетий была хорошо освоена и обжита. Начиная с XVIII в. и по настоящее время она занята поселением, разбитым на земельные участки с жилыми домами и хозяйственными постройками. Мощностность культурного слоя здесь незначительна – в основном это 20–30 см почвенного слоя, под которым сразу залегает материковый суглинок. Основная часть земель подвергалась многовековой распашке, а также перекапывалась в ходе разного рода строительных и инженерных работ. Доступные для исследования места можно найти лишь на свободных участках – по берегам рек и вдоль дорог.

¹⁵ Археологические исследования на поле Невской битвы были начаты в 1988 г. Они велись на территории исторического центра поселка Усть-Ижора с целью выявления и изучения руинированных исторических памятников, а также участков ценного археологического культурного слоя. Это было связано с необходимостью получения информации для разработки проекта зон охраны «Поля Невской битвы».

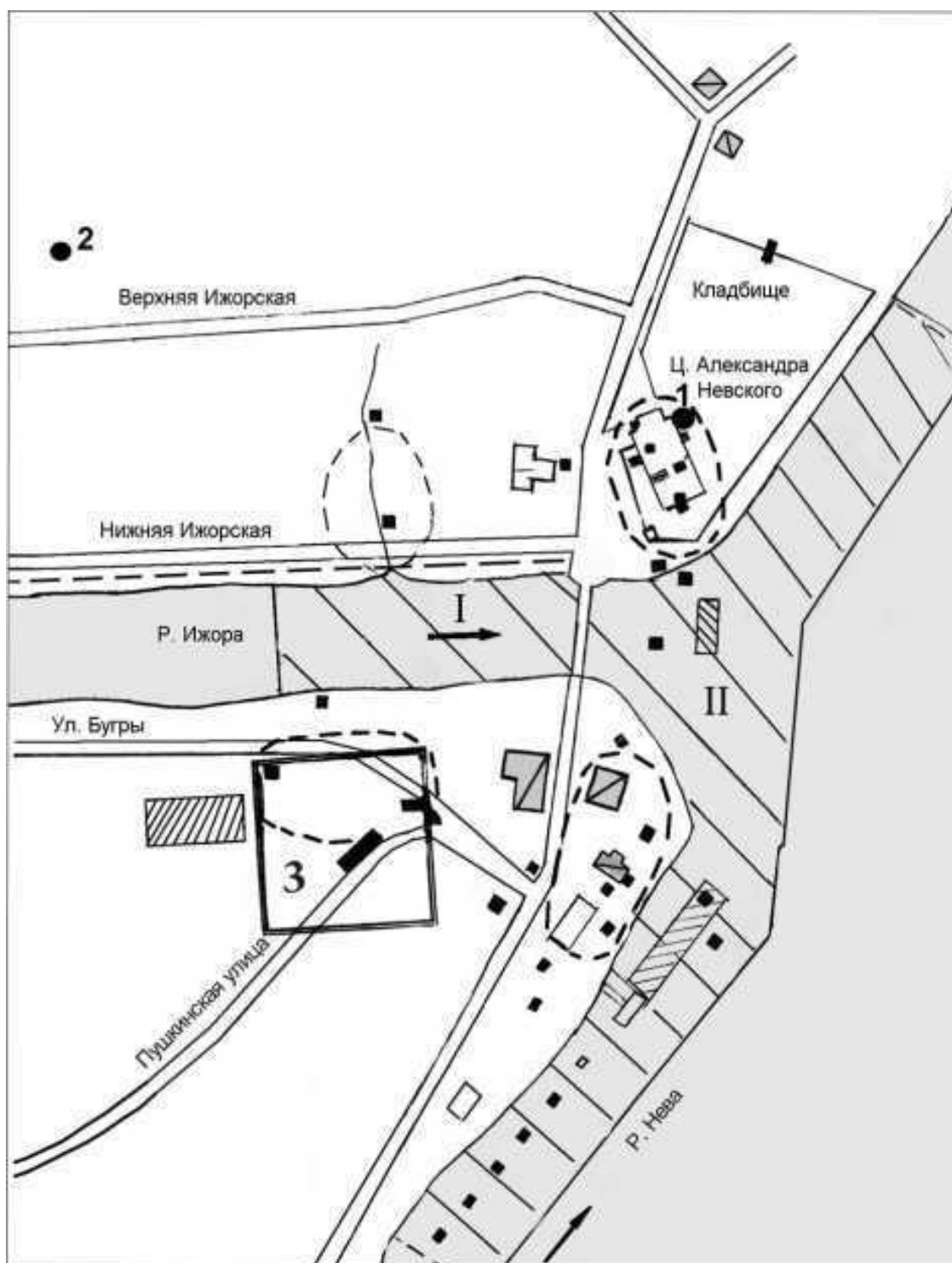

Рис. 41. Схема археологических работ в Усть-Ижоре:

- – архитектурные памятники;
- – район проведения подводных исследований:
I – 1950-е гг., II – 1989 г.;
- – участки геофизического поиска 1989 г.;

– места случайных находок средневековых предметов:

1 – наконечник стрелы, 2 – фрагмент скребницы;

– археологические шурфы;

– места локализации позднесредневековых поселений по находкам керамики;

3— крепость 1707 г., – бечевник XIX в.

Площадная магнитометрическая съемка¹⁶, проведенная на поле южнее остатков укреплений петровского времени в начале улицы Бугры, показала сильную засорённость этой территории металлическими предметами XIX-XX вв. Однако среди них выделено несколько железных предметов, включая лошадиную подкову, которые могли относиться и к XVIII в. Каких-либо объектов или находок, связываемых с битвой, обнаружить не удалось.

Исторический ландшафт прибрежной территории также значительно изменился, так как начиная с XVIII в. берега многократно подсыпались отходами кирпичного производства с располагавшихся в окрестностях заводов. Дно рек также местами оказалось перекрыто залежами кирпичного щебня или занесенными песком завалами топляка, оставшегося после лесосплавов XVIII–XIX столетий. На судоходном фарватере, наоборот, происходило регулярное заглубление рек с помощью землечерпальных машин, приводившее к уничтожению исторических отложений.

Во время подводных археологических работ у берега Невы выше и ниже устья Ижоры проводились магнитометрические исследования поверхностных отложений и гидролокационная съемка донной поверхности. Это позволило выявить аномалии и затопленные объекты в прибрежной акватории. В условиях ограниченной видимости (около 1 м) дно тщательно осмотрели водолазы. После этого между устьем Ижоры и оврагом, примыкающим к Неве, с помощью гидромонитора, размывающего песчаный грунт, заложили 12 разведочных археологических шурфов размерами 2х2х1-1,5 м¹⁷ (рис. 42). В них нашли: железные предметы и фрагменты керамических и стеклянных сосудов XVIII–XX вв., обломки кирпича, древесины, керамические рыболовные грузила. Следует учитывать, что на месте предполагавшейся стоянки шведского флота, в 60 метрах выше по течению Невы от устья Ижоры, расположен корабельный причал, существующий здесь с XIX в., и примыкающая к нему акватория регулярно углублялась, так же как и фарватер по реке Ижоре, с XVIII в. связывавшей Неву с Ижорскими заводами в Колпине. Ниже по течению реки, перед храмом и кладбищем, у берега были обнаружены значительные скопления топляка, отложившегося здесь, судя по переплетающим бревна архаичным кованым цепям, за несколько последних столетий. Остатки каких-либо древних судов или предметы вооружения при этом обнаружить не удалось. Ничего подобного не было найдено здесь и при расчистке акватории несколько лет спустя.

¹⁶ Геофизические работы велись специалистами в области археологии и геофизики Т. и С. Смекаловыми по просьбе автора.

¹⁷ Работы выполнялись с водолазного бота отрядом подводно-технических работ в тяжелом водолажном снаряжении (трехболтовках).

Рис. 42. Вид на акваторию подводных работ у устья Ижоры с колокольни храма. Фото автора

В процессе разведочных археологических раскопок на левом берегу Ижоры под храмом Александра Невского, в его южном приделе, выявлено скопление человеческих останков. Они были сильно перемешаны в предшествующее время и находились в сплошном перекопе, отдаленно напоминающем коллективное захоронение. Однако каких-либо находок средневекового времени обнаружено не было, поэтому, вероятно, оно было связано не с Невской битвой, а с долговременным существованием здесь сельского кладбища XVIII–XIX вв., когда за давностью лет одни захоронения устраивались на месте других. Учитывая такую интерпретацию и то, что все человеческие останки времен существования церкви оставались при раскопках на месте их обнаружения, подробного изучения их не проводилось. В случае, если коллективное захоронение, совершенное после битвы, попадало на место одного из некрополей, появившихся здесь впоследствии и существовавших длительное время, обнаружение его представляется малоперспективным.

Какие-либо объекты и предметы, связанные с Невской битвой и вообще вещи, которые можно было бы отнести к XIII столетию, во время раскопок обнаружить не удалось. Многочисленные рассказы местных жителей о находках оружия, относящегося к битве, на проверку, когда еще существовала возможность их проверить, оказывались недостоверными. За оружие выдавались самые разнообразные старые вещи и бытовые инструменты. В одном случае это был обломок железного предмета, напоминающий палаш, который сочли частью меча, в другом – черешковый двулезвийный инструмент, возможно секатор, напоминавший двухсторонний топор.

Но не следует исключать, что в некоторых случаях речь шла о реальных вещах, которые могли быть связаны с битвой. Предмет, напоминающий наконечник стрелы, найден в воде в устье реки Ижоры у ее левого берега. Сильно коррозированная находка рассыпалась через несколько дней. Изображение ромбовидного наконечника, сделанное по памяти нашедшим ее местным жителем, напоминает реально существовавшие наконечники средневековых стрел. В последнее время предпринимаются попытки отслеживания случайных находок у устья Ижоры, которые могут быть связаны с битвой¹⁸.

Имеются сведения о находках человеческих останков на берегах Невы, в ее среднем течении, приведенные А.А. Иностранцевым, искавшим здесь следы пребывания древнего

¹⁸ Той же цели служили охранные зоны, предусматривавшие археологические раскопки или наблюдения при проведении строительных работ. Однако следует признать, что установленные здесь режимы регулирования не соблюдаются в должной мере.

человека: «...в некоторых местах того же побережья Невы, в подмытых водою обрывах, мне нередко приходилось наблюдать обнажение целых людских скелетов, покоящихся неглубоко под растительным слоем, а у самого уровня воды – вымытые из наноса и разбросанные отдельные части костяков. Здесь, очевидно, было или кладбище или просто место захоронения людских трупов после битв» [Иностранцев 1910]. Как известно, ученый отдыхал в районе Ивановского, но в каких местах он видел эти погребения – неизвестно. Есть и другие сведения, о человеческих останках в береговом обрыве Невы, примерно в 100 м выше устья реки Славянки¹⁹. Однако следует учитывать, что подобные находки могут быть забытыми кладбищами, находившихся на невских берегах старых деревень.

В последние два с половиной десятилетия внимание к случайным находкам у устья Ижоры возросло. Сохранились два интересных предмета, обнаруженные там уже после раскопок [Сорокин 2002, 2002a] (рис. 43).

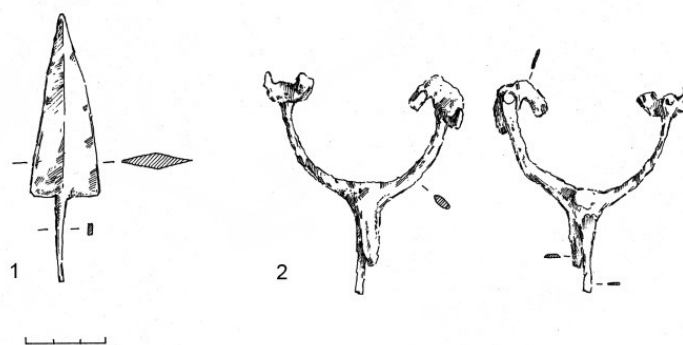

Рис. 43. Археологические находки средневекового времени в Усть-Ижоре: 1 – наконечник стрелы; 2 – фрагмент скребницы

Первый – наконечник стрелы, найденный детьми во время земляных работ на кладбище у северо-западного угла храма²⁰. Черешковый наконечник характеризуется очень простой треугольной формой и средними размерами (длина 10 см, из нее 7,5 – лезвие и 2,5 – черешок, максимальная ширина лезвия 3 см, черешка 0,4 см, толщина лезвия 0,3 см). В сечении он слегка ромбовидный, с чуть заметным расширением в виде ребра по центральной оси. По типологии А.Ф. Медведева, он принадлежит к типу треугольных наконечников (тип 37), употреблявшихся с VIII до XIV в. Длина их варьирует от 4,8 до 11 см, причем самые большие экземпляры относятся к концу бытования [Медведев 1966, с. 63–64]. Стрелы треугольной формы, несмотря на их простоту, не нашли широкого распространения. Они не известны в Новгороде, в курганных древностях Северо-Запада и в ижорских могильниках Приневья. Наконечники, напоминающие усть-ижорскую находку, встречены при раскопках корельского городища Пассо, имеются они и в материалах Южной и Северо-Восточной Руси, но они имеют более сложное оформление.

Второй предмет – фрагмент скребницы для ухода за лошадьми, обнаруженный на одном из участков на левом высоком берегу Ижоры²¹. Это верхняя часть рукоятки, в виде рогульки, к которой крепились гребенки. По А.Ф. Медведеву она принадлежит ко второму типу который характеризуется раздельными деталями, в отличие от ранних скребниц, которые были цельными. На этом основании находка может быть датирована XIII–XIV вв. [Мед-

¹⁹ Сведения были сообщены жителями поселка Усть-Славянка в 1996 г., во время проведения там разведочных археологических работ.

²⁰ В настоящее время хранится в Музее истории Ижорского завода в г. Колпино.

²¹ Найден в районе улицы Верхняя Ижорская местным жителем.

ведев 1959, с. 190]. Вопрос об отношении найденных предметов к Невской битве остается открытым, они могли быть связаны с поселением или случайно утеряны. Даже если эти находки и связаны с ней, они не дают точной информации о месте сражения. Следовательно, для реконструкции хода Невской битвы пока приходится довольствоваться только летописными сообщениями.

Рассматривая Невскую битву в общем контексте борьбы Новгорода против крестоносной агрессии, нетрудно заметить, что по своим масштабам она не выделяется в ряду других военных столкновений средневекового времени. Для сравнения: в Раковорской битве, происшедшей между русскими войсками и объединенными силами ливонцев, дерптского епископства и датчан в 1268 г., с обеих сторон принимали участие гораздо более значительные силы, по некоторым оценкам до 40 тысяч человек, а общие потери составили несколько тысяч. Количество участников и масштабы Невской битвы, конечно, не были столь значительны. Хотя, вероятно, они сопоставимы с некоторыми другими битвами того времени – на реке Воронеже в 1164 г. и при Ландскроне в 1300–1301 гг.

Причины ее известности в русской истории следует искать в сложной ситуации, в которой оказалась Русь в то время. Значение Невской битвы и Ледового побоища для сохранения русской государственности трудно переоценить – ведь они остановили крестоносную экспансию в земли Северо-Запада в тяжелейшие для Руси времена монголо-татарского нашествия. Другая причина их широкой известности в том, что обе битвы всегда ассоциировалась у русского народа с образом Александра Невского, проходящего через историю России в качестве ее святого заступника, покровителя русского воинства и признанного национальным героем. Именно поэтому в народном сознании битва на Неве стоит в одном ряду с крупнейшими сражениями российской истории, в которых решались судьбы государства.

Александр Невский – святой, благодарный князь и национальный герой

Правитель эпохи перемен

Невская битва стала одним из первых самостоятельных деяний Александра Ярославича. В ней он обрел славу талантливого полководца и всеобщую известность. Отсюда начался его победоносный поход по освобождению северо-западных земель от крестоносцев.

Александр Невский родился в 1220 (или 1221) году в Северо-Восточной Руси – в Переяславле Залесском, в семье князя Ярослава Всеволодовича и княгини Феодосии, дочери князя Мстислава Удалого. Но отрочество и юность большей частью провел в Новгороде, где отец посадил его княжить вместе с братом Федором с 1228 г. Уже в 1234 г. он, вероятно, участвовал вместе с отцом в походе против ливонских рыцарей на Юрьев (Дерпт). В 1239 г. князь женился на полоцкой княжне Александре Брячиславне.

В годы его молодости, после монгольского нашествия 1237–1240 гг., Русь оказалась в тяжелой ситуации: встал вопрос о ее существовании как государства. Александр возглавил борьбу с угрожавшей Новгороду крестоносной экспансией, отразив одно за другим вторжения: шведов в 1240 г., тевтонцев в 1241–1242 гг. и литовцев в 1245 г. Несмотря на катастрофическое разорение Руси монголо-татарами, русским князьям поначалу было сложно осознать, что новые завоеватели существенно отличаются от степняков-кочевников – печенегов и половцев, к отражению набегов которых русские люди привыкли на протяжении всей своей истории.

После того как осенью 1246 г. Ярослав Всеволодович был отравлен в Орде, Батый в начале 1248 г. отослал его сыновей, Андрея и Александра, в далекую Монголию, в Каракорум – столицу Великого хана, где они пробыли до 1249 г. Возможно, именно это путешествие по бескрайней монгольской державе и знакомство с ее административной и военной организацией и стали причиной осознания Александром силы монголов и бесперспективности борьбы с ними в сложившихся условиях. В ставке Великого хана Александр получил ярлык – права на княжение в Киеве, Новгороде и на всей Русской земле, за исключением Владимиро-Суздальского княжества, где великим князем назначался его брат Андрей.

Монголо-татарское нашествие разрушило сложившуюся систему взаимоотношений на значительной части Евразийского континента, и страны Западной Европы также оказались под угрозой разорения. В 1241–1242 г. монгольские орды прошли через Польшу, Венгрию, Чехию. Западные европейские государства пытались организовать надежную защиту от татар, и немаловажная роль в этом отводилась Руси. Воспользовавшись ее сложным положением, папский престол начал налаживание отношений с наиболее влиятельными русскими князьями, среди которых были Ярослав Всеволодович и его сын Александр, с целью распространения католицизма на русские земли и организации заслона против новых вторжений монголов в Западную Европу. Об этом свидетельствуют две буллы римского папы Иннокентия IV (1243–1254), направленные Александру в 1248 г., а также упоминание о его переговорах с папскими посланцами в тексте Жития (рис. 44) [Горский 1996, с. 64–69].

Рис. 44. Г.И. Семирадский. Переговоры Александра с папскими послами

Другой князь, Даниил Галицкий, влияние которого распространялось на значительную часть Южной Руси, согласился принять от папы королевскую корону, но реальной военной помощи в борьбе против татар за этим не последовало, и через некоторое время он подчинился их власти.

Александр Невский тоже вступает в переговоры с папской курией, но, столкнувшись с продолжающейся экспансией католических государств, насаждавших свое господство в землях подконтрольных Руси финских племен и опасаясь зависимости от западных стран, он отвергает предложения папских посланников. Его брат Андрей Ярославич Владимирский, напротив, подготавливал совместно с Даниилом Галицким при поддержке Рима и западноевропейских соседей восстание против татар.

Во время поездки Александра Невского в Орду в 1252 г. против Андрея Ярославина были посланы татарские войска, снова разорившие Северо-Восточную Русь. Этот набег получил в летописях название «Неврюева рать». Потерпевшему поражение Андрею при-

шлось искать спасения в Швеции, а поддерживавшему его младшему брату Ярославу Ярославину – в Пскове. Еще одна татарская рать была послана в то же время против Даниила Галицкого, сумевшего, однако, отразить нападение.

Историки спорят о роли Александра в перечисленных событиях. Некоторые считают, что именно он был организатором нового нашествия на Русь и фактически содействовал окончательному установлению татарского ига. Более того, именно позиция Александра определила выбор Русью азиатского пути развития и отгораживания от Европы [Феннел 1989, с. 148]. Другие полагают, что он просто не имел возможности противодействовать вторжению [Горский 1996, с. 71–72]. Существует мнение, что Александр открыто добивался централизации власти в своих руках путем «формирования единого государственного пространства на территории Северной Руси» [Кривошеев, Соколов 2009, с. 138]. Здесь нет значительных противоречий: осозная невозможность борьбы с татарами и не желая попасть в зависимость от католического запада, Невский пытался сохранить русскую государственность под властью Орды.

После подавления сопротивления братьев он получает от хана Великое Владимирское княжение. Вслед за тем – в середине 1250-х гг. – Александр мирится с братьями, передав Ярославу княжение в Твери, а Андрею – в Суздале, но оставаясь при этом фактическим правителем всей Северной Руси.

Политика его была направлена на сохранение русской государственности и самобытности, важнейшей составляющей которых являлась православная вера.

Борьба против агрессии с запада, угрожавшей независимости Новгорода и Полоцка, оставалась приоритетной задачей Александра, воевавшего в 1256 г. со шведами и емью, а в 1262 г., участвовавшего совместно с Литвой в войне против тевтонцев. Но он пытается найти союзников и на этом направлении. Следует вспомнить переговоры о заключении мира с Норвегией и сватовстве его сына Василия к дочери норвежского конунга Хакона, которые проходили в 1252 г. Мир был заключен, хотя свадьба и не состоялась [Джаксон 1995]. Это была последняя попытка создания династического союза русских князей со скандинавскими правителями, традиция которых восходит еще ко временам Рюрика. Осознавая невозможность борьбы с Ордой, Александр начинает выстраивать русскую государственность под ее властью. Он старается усмирить народные выступления против даннической зависимости от татар, предпринимая дипломатические усилия для получения более выгодных условий для Руси.

В 1257 г. во Владимирской, Муромской и Рязанской землях прошла монгольская перепись. Следуя своей политике умиротворения народа и непротивления ханской власти, в 1255 и 1257 гг. Александр подавляет выступления новгородцев против татарской переписи, и в 1259 г. Новгород попадает в данническую зависимость. Однако вскоре, в 1262 г., по многим городам Северной Руси прокатилась волна восстаний против сборщиков дани [Кривошеев, Соколов 2009, с. 141–158]. Вслед за тем Александр едет в Орду, чтобы «отмолить народ от беды». Ему удается сгладить последствия восстаний и добиться отмены требований нового хана Берке об участии русских войск в его войнах.

На обратном пути 14 ноября 1263 г. князь заболел и умер в Городце на Волге. Что было тому причиной – болезнь или отравление в ханской ставке, остается загадкой. Кончина Александра Невского воспринималась как тяжелая утрата для всей Руси. 23 ноября он был погребен в церкви Рождества Богородицы Владимирского Рождественского монастыря.

Создание образа – тернистый путь канонизации

Но этими биографическими реалиями далеко не исчерпывается значение Александра Невского для русской истории. Его образ в различных ипостасях на протяжении веков проявляется в ней и оказывает влияние на общественное сознание русского народа. Митрополит Кирилл возвестил народу во Владимире о его смерти словами: «Чада моя милая, разумейте, яко заиде солнце Русской земли...», и все с плачем воскликнули: «...уже погибаем». Во время погребения, по сообщению церковных источников, произошло чудо с духовной грамотой: усопший князь взял ее в руки [Голубинский 1894, с. 188–189]. Это чудо засвидетельствовал митрополит Кирилл, сподвижник Александра Невского, прибывший во Владимир из Южной Руси от Даниила Галицкого, как явствует из документа. Именно им, возможно, и были созданы предпосылки для последующей канонизации князя – народного героя и заступника православной веры. Отказавшись от союза с католиками против Орды, Александр становится «последним защитником всего православного мира. И народ понял и принял это, простив реальному Александру Ярославичу все жестокости и несправедливости, о которых сохранили множество свидетельств древнерусские летописцы» [Данилевский 2005]. Несомненно, этот фактор мог сыграть главную роль в начале его канонизации, затянувшейся на три столетия.

Память о героическом князе сохранялась в народе. Появившееся вскоре после его смерти Житие Александра Невского оказало существенное влияние на другие произведения древнерусской литературы. Многочисленные параллели и соответствия его тексту находятся в Житии псковского князя Довмонта и «Сказании о Мамаевом побоище», литературных памятниках, появившихся в XIV и в начале XV в. [Рогов 1967].

В церковной литературе высказывалось мнение, что культ святого Александра традиционно поддерживался в московской великокняжеской династии, берущей свое начало от его младшего сына Даниила. По преданию, Дмитрий Донской получил икону «Святой Александр» с духовным завещанием от своего отца. В 1380 г., в одну из ночей перед Куликовской битвой, в Рождественском монастыре засвидетельствовано чудесное видение. Заночевавший на паперти пономарь увидел, что в соборе сами собой зажглись свечи и два старца вышли из алтаря. Подойдя к могиле, они воззвали: «Встань Александр и поспеши на помощь правнуку твоему великому князю Дмитрию, одолеваемому иноплемениками. Александр Ярославич тут же поднялся из гроба и все трое вскоре стали невидимыми. После этого монашеская братия, усердно помолившись, решила раскопать могилу князя, где было обнаружено нетленное тело, перенесенное в раку поверх земли. С мощами начали совершаться чудеса, и тогда же, вероятно, Александру было установлено епархиальное церковное празднование [Макарий 1886, с. 124, 258; Голубинский 1894, с. 41].

В «Сказании о Мамаевом побоище» Александр Невский упоминается несколько раз, являясь образцом для подражания в храбрости и военном искусстве, но, в отличие от святых Бориса и Глеба, еще не являясь небесным покровителем русского воинства. Так, перед переправой через Дон бояре напоминают Дмитрию о победе Александра Невского: «Прадед твой князь великий Александр Неву реку перешед, короля победи, а тебе, нарекиши бога подobaть то же творити». В завершении Дмитрий Донской сравнивается с Александром Невским – увидев князя после победы, князья и бояре восклицают: «Радуйся, князю наш, древний Ярослав, новый Александр, победитель врагом» [Сказание о Мамаевом побоище 1985, с. 220, 232]. Запись предания о помощи святого Александра Дмитрию Донскому в Куликовской битве появляется только в XVI в.

Чудеса, засвидетельствованные во Владимирском Рождественском монастыре в дни победы на Куликовом поле, вероятно, послужили поводом для местной канонизации Алек-

сандра Невского. Следует учитывать, что эта обитель была в те времена первой в ряду русских монастырей и с ней тесно связаны московские митрополиты. Подтверждением факта местной канонизации князя может служить то, что в списках Жития Александра Невского, относящихся к XV в., он уже назван святым, а в Житии митрополита Петра, переработанном около 1381 г. митрополитом Киприаном, Александр получил эпитет «блаженный». «Идея о том, что род московских князей происходит от святого князя, имела в период собирания русских земель вокруг Москвы немалое значение» [Рогов 1967].

Еще одно предание о чуде – «О явлении на воздусе святого великаго князя Александра Невскаго, и о пожаре», связано с пожаром Рождественского собора в 1491 г., но запись о нем появилась уже после его канонизации – более чем полвека спустя. Многие видели, как «над каменною церковию Рождества Пречистыя Богородицы», из появившегося облака «подобие образа блаженнаго великаго князя Александра на кони выпре яко к небеси изымаяся ездяща». В тот же день случился пожар, уничтоживший большую часть города и сам Рождественский монастырь. По свидетельству летописи, мощи святого сохранил Господь: «...хранити вся кости угодника своего, и не единая от них сокрушится» [Шляпкин 1915, с. 8–9].

Есть мнение, что прозвище «Невский» Александр получил только в конце XV в., именно тогда оно впервые упоминается в общерусских летописях [Тюрин 1998, с. 197].

Святой Александр – заступник Русской земли

Только в правление Ивана Грозного, в конце февраля 1547 г., на церковном соборе в Москве Александр Невский был канонизирован митрополитом Макарием и стал общерусским святым. Все прославленные на этом соборе к общецерковному почитанию четырнадцать святых названы чудотворцами. Относительно канонизации Александра Невского говорилось, что она состоялась «со всяцем испытанием о чудесах, бывающих от честных раки» [Голубинский 1894, с. 188–193]. В связи с канонизацией в Рождественском монастыре святому Александру была составлена служба с молитвенным прошением сохранять свое Отечество «от языка чуждого», устрашать врагов «ополчающихся на христолюбивое воинство», представляющая собой своеобразный памятник поэтической публицистики [Рогов 1967]. Смысл этой службы передает обобщенное восприятие Александра Невского русским народом как защитника Отечества.

Всего за 40 дней до этой канонизации – 16 января – Ивана Грозного впервые в русской истории венчали на царство и, вероятно, прославление Александра было необходимо для обоснования божественности царской власти представителей московской ветви великокняжеской династии [Хорошев 1986, с. 173]. С момента канонизации святой Александр все больше воспринимается как покровитель русского воинства, причем не только в борьбе с западной угрозой, но и с татарами.

Рис. 45. Иван IV Грозный. Титулярник 1672 г.

Во время похода на Казань в 1552 г. митрополит Макарий направил Ивану Грозному послание с напоминанием о «храбрости» его «прародителей» – «богом венчанного царя Владимира Манаха и храбра великого князя Олександра Невского». Известно, что перед этим походом Иван Грозный останавливался и молился в Рождественском монастыре города Владимира и у гроба св. Александра испрашивал небесной помощи в войне против татар. Позже как покровитель русского воинства Александр; согласно церковной традиции; помогал ему в битве с крымским ханом Девлет-Гиреем при Молодех в 1572 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.